



Александр
ПЕТРОВ

**ДЕТИ
СВЕТА**

Александр Петров

Дети света

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300725

Дети света:

Аннотация

Кто они – дети света? Эти люди живут среди нас и внешне почти не отличаются от остальных. Но они другие! Они принадлежат Вечному Свету. Они вырвались из объятий смерти. Они не умирают, а переходят из земного полумрака в блаженный свет. Они призваны к свету, идут к свету, несут в себе свет. Они среди нас. Они – дети света.

Содержание

Из тени в свет переступая	4
Солнце, Вода и Камень	4
Заглянувший в мир иной	20
Согласие	30
Остановка	35
Немой	45
Новые старые знакомые	68
Когда открываются двери	76
Глава без героя	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Петров

Дети света

*Доколе свет с вами, веруйте в свет,
да будете сынами света.*

Евангелие от Иоанна 12, 36

Из тени в свет переступая

Солнце, Вода и Камень

Он стремился на это озеро много лет. И вот, наконец, на исходе лета приехал сюда в санаторий. Первые дни он каждой клеткой тела ненасытно впитывал яркие лучи солнца, хрустальную голубизну воды, упругий душистый ветер.

Часами босиком бродил по берегу и собирал камешки, капризно тускнеющие на солнце. Ногами взбивал пену прибрежной волны до пушистой белизны. Набегавшись, растягивался на скрипучей замшевой гальке и умирал дыхание, распиравшее грудь кузнечными мехами.

Когда солнце сбегало из плена облаков, из его сияющего кувшина обильно изливались жаркие струи золота. И он купался в них, как дитя. Его рыжеватые волосы с каждым днем

все больше выгорали. Курносое грубоватое лицо и мускулистое тело – покрывались необычным бордовым загаром. Пронзительно-синие глаза все ярче горели в густом созвездии осенних веснушек, а белки глаз и зубы все ярче сверкали на обожженном лице.

По пути с рынка он поднимался крутыми улочками мимо игрушечных домиков, похожих на глазированные пряники. Как большой ребенок, грыз огромные яблоки, красные снаружи, оранжевые внутри, стреляя брызгами. Громко хлопал золотистыми слезами крупной сливы. Хрустел арбузными ломтями, которые улыбались ему во все тридцать две косточки. И долго не решался нарушить упругую хрупкость виноградной жемчужины, разглядывая на солнце, как под тугой кожей в прозрачном зеленом желе замерло маленькое сердечко. И, как в опьянении, не замечал ни толчков прохожих, ни насмешек досужей толпы.

Он кормил чаек и голубей. И они слетались целыми стаями, хлопали крыльями, кричали, садились на руки, голову, плечи. Даже хрупкие дикие горлицы доверялись ему, по-девичьи скромно приближаясь сизыми тенями к разбитым кеддам. Он улыбался усталым детям, засыпающим на широких папиных плечах в обнимку с большой папиной головой. ... А ему улыбались старики.

Без усталости карабкался на скалу, царапая руки о жесткие сучья, скрипя кеддами по сыпучей каменистой тропе. Потом замирал на краю утеса и жадно разглядывал безбрежное се-

ребристое озеро в россыпи рыбацких лодок, похожих с высоты на крохотные скорлупки. Поднимал глаза к ярко-синему небу в пушистых клубках белых облаков. В малахитовых кудрях садов и парков, среди высоких сизых елей, устремленных вверх, разыскивал крыши знакомых домов. Снова, затаив дыхание, до слепоты, до боли в глазах разглядывал озеро... И что-то тихо шептал в немую искрящуюся даль. И, наверное, получал ответ.

Вечером он сидел на полупустом берегу и, прислонившись спиной к теплому граниту набережной, провожал уплывающий за горизонт малиновый солнечный диск. Потом сквозь шумную толпу отдыхающих задумчиво брел по липовой аллее в черную густоту ночи. Поднимался крутыми улочками, уступая дорогу шальным автомобилям, которые неожиданно и бесшумно выпрыгивали из-за угла на высокой скорости.

В жилых домах, окруженных цветочными оградами, в это время ужинали. Со всех сторон ветерок доносил сладкие ароматы цветов, жареного мяса и лука. Впрочем, тихому созерцанию одинокого путника не мешали ни застольные крики, ни шорох автомобильных шин, ни жалобный плач горлиц: «Уй-и-и, уйи-и-и». Он все принимал с любовью.

...И вот он заболел. Утром, после вечернего радужного дождя, набрал грибов, нанизал на струганные ветки, поджарил грибной шашлык на углях за забором – и вот результат. Целый день – драгоценный день отпуска! – с пищевым отрав-

лением пролежал в постели, обливаясь потом, не рискуя удалиться от санузла. Старенькая шумная санитарка бабушка Маруся причитала над больным. Она заставляла его пить таблетки, потом вместо «химии» принесла домашнюю марганцовку, а перед сном украдкой – водку с перцем. Обходила номера и всем по очереди внушала, насколько опасно собирать незнакомые грибы.

Его сосед, старик Евгенийч, слышал за стеной бурчанье старушки и вялые оправдания больного, шаркал по комнате, выходил на веранду, заглядывал в окно и бормотал: «Бедный, бедный больной брат!» И только черное звездное небо внимало его молитве, и жалобно вздыхало осиротевшее озеро, и тонко, по-детски, плакали горлицы. «Бедный, бедный больной брат!» – бормотал без устали старик, чтобы завтра этот большой рыжий ребенок снова проснулся здоровым. Потому что по нему соскучились все, кто успел полюбить... С того дня грибами на прогулках он только любовался. Зато старичка-соседа полюбил и, как долго не видел сутулую сухонькую фигурку и печально-улыбчивое лицо с глазами блаженного, – искал среди разномастной санаторной публики.

Он имел удивительное свойство. Иногда оно забавляло, но, случалось, доставляло неприятности. Дело в том, что при своей болезненности внешне он выглядел молодым и полным сил. Так и говорил о себе: снаружи огурчик, а внутри – старая тыква. Наверное, благодаря этой его особенности и стала возможной следующая история.

В санаторий направили его от работы. Он-то думал, их нет давно, а вот, поди ж ты – имеются, и даже для простых людей. Приехал в лечебно-оздоровительное учреждение, как водится после трудовых подвигов, с зеленоватым оттенком лица и сизыми кругами под глазами. Но через несколько дней выспался, отъелся и вволю надышался целебным воздухом. Посмотрел в зеркало ванной – оттуда выглянул молодой парень лет тридцати. Только глаза выдавали возраст. Но ведь и с этой «проблемой» можно справиться – очки зеркальные, например, надеть. Особенно, если это предписано врачом от слепящих лучей солнца.

Оделся он в тот день легкомысленно. Но сначала предыстория. Как-то с большой полочки отправился он с дочерью на вещевой рынок – гардероб великовозрастному ребенку подновить. Упустим характеристики, которые он отпускал в адрес нарядов, выбранных «дитятей несмышленным». В этой брани даже суровые отцы терпят поражение. Зато девушки с победным видом уносят с рынка объемные пакеты с чем-то смешным и вызывающим. Впрочем, дочка пожалела папу, и за терпение решила отблагодарить. Поставила его по стойке «смирно», обошла вокруг и вынесла суровый приговор: «А ты, па, у меня ничего. Если упаковать со вкусом». Он пытался что-то сказать насчет ее вкуса, но вы же знаете нынешнее поколение... За несколько минут дочь подобрала ему комплект из брюк с рубашкой и, не дав опомниться, расплатилась из отощавшего бумажника. Всю дорогу домой он

пытался воспитывать отпрыска в духе скромности и бережливости. Ставил в пример брата, которого одежда не волновала вовсе. Дочь сначала иронично мычала, вытянув губы, а потом встретила подружку и, чмокнув отца в нос, убежала в гости на примерку. Пакет со своими обновками он спрятав подальше в шкаф, но когда собирался в дорогу, дочь их разыскала, отгладила и аккуратно сложила в дорожную сумку.

В легкомысленной джинсовой паре – не пропадать же добру! – он вышел на прогулку. Предстояло пройти не менее трех километров по специальной прогулочной дорожке, размеченной по цветным бетонным плиткам белой пунктирной линией. Блаженная улыбка так и растягивала лицо. Отдыхающих видно не было, поэтому он просто шагал предписанные врачом километры и любовался дивными растениями, обступившими дорожку. Тут росли голубые и черные ели, причудливые низкорослые и мачтовые сосны. Из-за поворота выплывали то стриженный самшит, то огромный куст бузины, усыпанный белыми шариками; то заросли орешника с зелеными плодами. А вот под кедрами заиграли желтыми и красными шарами соцветий неведомые цветы. И все это густо и сладко благоухало.

Итак, он брел по извилистой прогулочной дорожке, успешно преодолев тысячу восемьсот метров, о чем сообщала надпись на влажных бетонных плитах. Боли в брюшной полости и в поясничном отделе скелета почти не беспоко-

или. Скрип и щелчки в суставах после утренней зарядки и прошествии лечебной дистанции – пока не ощущались. Зато походка стала пружинистой, как в молодости. И настроение поднималось с каждым шагом.

Прошел он по влажному асфальту до края причала. Глубоко вдохнул свежий воздух, напитанный запахами хвои и рыбы. Перегнулся через ржавый парапет и замер. Прозрачные голубоватые волны струились и завихрялись вокруг опорных камней, пенились и журчали. Сквозь толщу воды фосфористо мерцали донные камни, обросшие зелеными русалочьими космами. Там и тут серебристыми молниями поблескивали стремительные стаи рыбок, ярко блиставшие в косых лучах солнца, пронизывающих толщу воды...

– Тебе тоже нравится эта вода? – раздался детский голосок у него за спиной. Он невольно вздрогнул и оглянулся. Рядом стояла девушка, с виду подросток, и в упор разглядывала его огромными глазами.

– Дитя мое, разве можно пугать старого, больного человека?

– Ты на себя в зеркало смотрел? – насмешливо дернула она плечиком.

– Да, сегодня утром...

И тут он вспомнил свое помолодевшее отражение, дочкину одежду, пружинистую походку и перестал удивляться происходящему.

– Чтобы расставить точки над «ё», должен признаться сра-

зу, но честно: мне сорок восемь.

– Ну и что?

– ...А вода мне тоже нравится.

– Значит, еще поживешь.

– Твоими бы устами... диагноз оглашать.

– Марина. ...Это мое имя.

– То-то вода тебя притягивает.

– Поясни...

– Марина – значит «морская».

– А! Ты в этом смысле. В таком случае, как звучит твое имя?

– Петр. «Камень».

– Как этот, вокруг которого вода вьется?

– Так уж и вьется...

– Не прибедняйся.

– Ты первая девушка, которая за последние десять лет со мной заговорила.

– Слушай, а может, ты только сейчас для этого созрел?

– «Восторги и пощечины она чередовать умела, чтобы держать в узде рабов».

– Гомер?

– Неважно.

– А я тебе нравлюсь?

– Частично, – иронично улыбнулся он. – Какая-то часть твоя – да, но другая, там, где эта кавалерийская прямота с наскаком... Ты напоминаешь мою дочь, которой нужно опу-

стошить папин кошелек.

– На, смотри! – Она достала из сумочки изящное портмоне и открыла настежь. Внутри лежала толстая пачка денег.

– Она еще и банки грабит, – вздохнул он, гася улыбку.

– Петенька, за эти бумажки мне приходится много работать.

– Кем же?

– Переводчиком в солидной фирме. Между прочим, отпуск у меня первый за шесть лет, – протянула она жалобно. – А рабочий день двенадцать часов, и выходных почти нет...

– Ну-ну, только без слез. Итак, считаем. Восемнадцать, плюс пять, плюс шесть – равно двадцать девять. А выглядишь ты на двадцать.

– Наверное, столько я и жила. Остальные годы – рабский труд на акул капитализма.

– Отсюда твоя детская прямолинейность?

– А что мне остается? Не одной же мне ходить среди липких мужиков. Послушай, Петр, давай закончим процедуру знакомства, и ты меня прогуляешь? Ну, как собачку, что ли?

– Давай. Только чисто по-дружески.

– Согласна.

Девушка взяла его под руку, и они тронулись в путь. Пока Марина рассказывала о поездках с начальством по Европе, у него появилось время опомниться. И он стал приводить в порядок нервную систему, по которой спутница нанесла если не удар, то ошутимое сотрясение.

«Спрашивается, зачем оно мне это надо?» – думал он, жмурясь от солнечных пятен под ногами. – «Человек я женатый. К жене успел привыкнуть. Она тоже меня любит. Если честно, я ее даже уважаю. Хотя бы за то, что ей приходится много лет терпеть мой упрямый характер с элементами деспотизма и нетерпимости. Единственный человек, кому удалось меня приручить и даже вить веревки, – это дочь.

А тут такое! Курорт, расслабленная воля, душа, распахнутая всему новому, – и эта молодая женщина, растерявшая по заграницам наши родные российские комплексы. Вообще-то, Марина при внешней разудалости больше похожа на «синий чулок», чем на пожирательницу мужских сердец. Иногда сквозь браваду проскальзывает неуверенность в себе, испуг, неопытность. И это хорошо», – подытожил он, потому что пришла очередь рассказывать о себе.

Внешне-то его жизнь выглядела вполне обычной: школа, институт, работа. Вместе с народом ему пришлось познакомиться с такими явлениями, как дефолт, кризис, безработица. Потом участвовал в конкурсе на замещение вакансий. Потом работал на износ, без выходных, чтобы оправдать оказанное доверие. И наконец – нынешняя налаженная жизнь в достатке, но не без болезней. А как еще можно честно заработать достаток? Поколение наших детей вырастает на родительских инфарктах, язвах, остеохондрозах. Хочется надеяться, что им не придется идти петляющим путем эпохи перемен.

Тем временем аллея парка осталась позади, а перед ними вырос бетонный забор с решетчатыми воротами. Нерешительно переглянувшись, они нарушили границу санатория. И если на территории лечебного учреждения соблюдался порядок, то стоило выйти за ворота, их окружила стихийная помойка с кучами бытовых отходов. Не сговариваясь, они глубоко вздохнули. Разговор переключился на печальное. Марина заговорила о том, как часто приходится ей сталкиваться с хамством и пошлостью на родине и за ее пределами.

Но вот по крутой тропинке они поднялись на аккуратную террасу. Отсюда открылся просторный вид, примиряющий человека с окружающим: огромное небо, парящее над бескрайним сверкающим озером с почти неразличимой линией горизонта. Они замолчали. Какова цена слов по сравнению с величием природных сокровищ?

Это молчаливое стояние что-то в них перевернуло. Пока человек ползает глазами и сознанием по пыльной земле, пока бестолковая суeta держит его в плену, – человек подобен пресмыкающемуся. Но, когда взойдет на высоту и орлиным взором окинет землю и свою жизнь на земле, – то и мысли взлетают ввысь.

С высоты видно, насколько физически ничтожен человек и как велик мир, созданный Творцом. Трудно представить себе, что все это существует для тебя, чтобы ты – человек! – повелевал миром, совершенствовал его, – а ты его только

портишь и губишь. Как-то даже неразумно созерцать беспредельные дали вселенной и свое паразитическое ничтожество примерять к понятию царь!..

Петр поделился мыслями с Мариной. Как водится в таких случаях, девушка долго смотрела на него в упор, оценивая степень повреждения психики. Но потом застенчиво улыбнулась, вздохнула и приглушенно ответила:

– Да уж, какой там царь...

– И все-таки человек вернет себе царское достоинство, – громко прошептал Петр. – Да, он переживет упадок, кризис, унижение старости и ужас смерти, но человек очистится, возродится и станет другим. Каким был изначально, только опытным. Никогда мы уже не вернемся к нынешнему уродству: сами того не захотим.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она ровным голосом.

– Знаю...

Он еще не решил, стоит ли открыться ей полностью. Ему казалось, что они существовали в разных мирах. Думали и жили в разные стороны. Марина то ли обиделась, то ли задумалась. Она молча глядела вдаль. А Петр смотрел на нее.

Она стояла ближе к краю обрыва. Чуть дальше, за ней, пространство срывалось в бездну искрящейся воды и по восходящим струям теплого ветра взлетало вверх, к высокому небосводу. Но не просторный вид стихии привлекал сейчас его внимание, он неотрывно смотрел на Марину.

«Миловидное открытое лицо, стройная фигура, одежда,

подобранная со вкусом, – все это, конечно, приятно радует глаз. Только мне-то что до этого? – думал он. – Мы из разных поколений, из разных стай. Чего ради интересоваться чужаком? И вообще, не оставить ли это приключение? Вернуться в свой взрослый мир, где всё так привычно, даже болезни и печаль? Куда уж мне гостить в её мире, где танцы, веселье и ... прочее.

Её поколение вовсю наслаждается тем, за что мое уже рас-плачивается».

Он видел перед собой юную девушку, которая и жить-то еще по-настоящему не начала. В ее будущем легко читалось замужество, воспитание симпатичных детишек, счастливая семейная жизнь. А что? Марина, по всему видно, трудолюбивая, аккуратная девушка с мягким характером. Такие становятся хорошими женами и матерями. Только откуда известно, что это сбудется? Кто знает, как сложится ее замужество? Что-то не приходилось ему встречать счастливых красавиц. Да и при чем здесь он? Жениться на ком-либо он не собирался даже теоретически. Флиртовать — тем более...

Он смотрел на нее и подумывал, как бы это знакомство вежливо свернуть, чтобы каждому вернуться в свою стаю. Даже набрался решимости, чтобы сделать первый шаг к разрыву... Как вдруг что-то произошло. Сейчас она стала открываться ему с необычной стороны. Он почувствовал в ней страдающего человека с живой, чуткой душой. Она тоже болела от наблюдения вокруг разрухи и вездесущего зла. Ее

также тяготил абсурд мирской суеты. Так же, как и он, тянулась она – к свету, истине и блаженству.

«Чем же я лучше её? – спросил он себя. – А она... чем хуже меня? Отчего же я так сходу закрылся от нее, ушел в глухую оборону? Как устрица, захлопнул жесткие створки раковины».

И тут началось... Сначала силуэт девушки на секунду слился с искристым сиянием моря и почти растворился в нём. А потом Марина вернулась, но совершенно другой.

Он смотрел на нее, и не мог оторвать глаз. Пропали его сомнения, робость и нежелание показаться бестактным. Он смотрел прямо и неотрывно. Что-то странное произошло с ее внешностью. Растаяла телесность и сквозь покров одежды и кожи проявилась ее сокровенная сущность. То, что он увидел, превзошло его представления о красоте. Затмило все, на что способно самое гениальное воображение.

Ему открылся идеал, совершенство. Откуда это? Большие, лучистые глаза, алые губы, чуть по-детски пухлые; тонкий, изящный нос; нежнейший рельеф лица, плавно перетекающий, без единой резкой линии. Эта елейная кожа с матовым переливом от золотистого румянца щек к прозрачной белизне лба и подбородка. Право же, этим лицом хотелось любоваться бесконечно! К её фигуре никак не подходило слово «тело», потому что она стала бестелесной. Плоть, как граница организма, стянутая грубой мембраной пористой кожи, – всё это растаяло.

Новая проступившая телесность не давила диктатом похоти. И вместе с тем она притягивала взгляд. Ее материя, легкая, как пух, и прозрачная настолько, что без труда пронизывает лучистым сиянием земное грубое тело человека. Это, наверное, душа девушки... Это – она сама, настоящая, сокрытая от людских взоров латами «кожаных риз», в которые Бог одел человека, изгоняя из рая.

Сияние души исходило из сердца, как дневные лучи света из солнца. Он увидел, как самый сильный луч, выйдя из ее сердца, дошел до его сердца и там зажегся огонек любви. Эта небесная любовь так же отличалась от любви земной, как синее небо от истоптанной грязи.

Там же, в своем сердце, он увидел другой огонек. Его зажег другой луч, исходивший от сердца его жены Ольги. Но – странно – этот луч начинался где-то очень далеко в высоком недоступном небе и проходил через Олино сердце, не зажигая в нем огня. А тот свет, который согреет ее сердце, был еще в пути. Но уже стремительно летел к ней из той огненной высоты, откуда исходит вся любовь.

Взгляд Петра невидимой силой вернулся к девушке. Но что это? Из небесной сущности Марины проступила земная боль. Он ощутил каким-то наитием, что прекрасная душа девушки стремится вырваться из плена земного тела. Неизвестно, откуда взялось это знание, только оно появилось и сильно обожгло. Позже он понял, почему...

Когда видишь цветущую девушку, с ее образом никак не

хочется связывать явление, даже звучание которого отвратительно. Это антиподы: девушка – и смерть. Вот и произнес он мысленно слово. И содрогнулся. Но как душа может освободиться от телесного плена? Только через отсечение смертью, чтобы тело сошло в землю, а душа вернулась на небо, к солнцу. Так зерно умирает в земле, чтобы весной от солнечного тепла взойти зеленым ростком и подняться к небу спелым золотым колосом.

И тогда его осенило. Так вот откуда это видение. Вот почему ее душа так стремится к исходу из тела. Девушка-то, обречена!.. Скорей всего, смертельно больна. Наверное, отсюда ее порыв к общению, преодолевший врожденную застенчивость. По этой же причине она в санатории.

Казалось, прошла целая вечность, – так долго носил он в себе этот тяжкий груз. Но ведь зачем-то они сошлись в одной точке многолюдного мира? Не зря же ему дано было увидеть ее прекрасную душу и почувствовать обреченность девушки. Это, скорей всего, и подсказка, и урок, и предостережение. Что еще? Может быть, даже его шанс что-то исправить в своей жизни. И девушке как-то помочь. Интересно, сама-то она знает о своей участи?

Заглянувший в мир иной

«Да, я христианин. Да, православный. И не смейте в этом сомневаться».

Мужчина средних лет лежал на больничной кровати и рассеянно смотрел в окно. В душе его поднялась мутная взвесь. Он и сам не радовался мыслям, которые помимо желания всплыли из потайных уголков души и терзали сознание. Он боялся и не любил такого себя, но это снова ожило и беспощадно мучило судейским обличением.

«Я регулярно хожу в церковь и стою на службах. Несколько раз в год причащаюсь. Меня трудно упрекнуть в прелести. Потому что ежедневно читаю святых отцов и по ним сверяю свое духовное состояние. К тому же у меня крепкая психика и нормальные естественные реакции на все живое и красивое.

В отличие от некоторых «коллег по конфессии», я не стану утверждать, что читать надо только Предания, а телевизор смотреть вовсе вредно. В наше содомо-вавилонское время мирянам необходимо получать легкие прививки от мира сего, чтобы не быть им побежденным. Разумеется, в таких дозах, чтобы не увлечься и не попасть в зависимость. «Ничто мне не вредно, но ничего не должно лишать меня свободы».

Сердце моё, сердце! Ну, что тебе неймётся? Что болишь, ретивое? И душно сегодня, как в погребу.

А вообще-то мое кредо, если хотите, таково: высшая добродетель – рассудительность. Кстати, мало кому доступная. Может, потому что в основе – рассудок? А этот инструмент не у всех в порядке.

Господа интеллектуалы грешат гордыней ума, не замечая при этом собственной шизофрении. Впрочем, наполеон в палате номер шесть Кашенки тоже уверен, что именно он и есть настоящий Наполеон, – и нет сомнений. Эти любят с «вумной» гримасой и гармошкой на лбу изречь что-нибудь эдакое, знаете ли, поприбамбасистее, чтоб ни у кого и сомнения не осталось, что слушаете вы умницу. Ну там еще сгорбиться, ручкой подбородочек безвольный подпереть, глазами пристально эдак зрочки собеседника посверлить. Если получится, то и ножкой притопнуть: я, дескать, на этом настаиваю. На чем, голубчик, на мухоморах? Короче, смотри приемы драматических актеров, которые сегодня изображают святых, а завтра маньяка, лишь бы деньги платили и славы побольше. А на уколы совести всегда можно со вздохом ответить: работа, мол, профе-е-ессия такая, что подделаешь... Правда, если проанализировать трезво, что этот «умник» выдал, чаще всего получите жиденькую банальность, да еще с душком зависти и тщеславия. Большинство из таких пьют горько или впадают в другие позорные страсти.

Те, которые меньше изуродованы судорогами интеллекта, – рассудком пользуются редко. Впрочем, гордыня у них пробивает из другой области. Неразумным нравится кичить-

ся своей простотой. Плюхнутся такие в лужу с отходами жизнедеятельности и требуют, чтобы все непременно умилялись и хлопали в ладошки. И попробуйте только не умилиться... Враз получите «пролетарским» кулаком по лбу. А если и с кулаками там жидковато, или вы способны дать отпор, ждите аспидных шипений за спиной. А когда они попытаются разжалобить вас тем, что учиться им якобы не позволили тяжелые семейные или материальные условия, тащите их ко мне. Я приведу им в пример своих родственников, которые будучи нищими и голодными, умудрились закончить высшие учебные заведения, а кто и не одно. Просто им надо было, чтобы «в люди выйти».

А так, чтобы и рассудительность, и простота в одной, отдельно взятой личности... Позовите, братья и сестры, если разыщете такого уникама, хорошо? Я не пожалею одного-двух выходных, медные монеты, выброшенные столичными нищими, подберу и бюст отолью на родине того героя. Шутка. В этом месте воспитанные люди говорят «ха-ха».

Ох, что же сердце так прихватило! Да и врача путевого нет, как назло. Так, молоденькая свистулька, только что выпорхнувшая из каких-нибудь фельдшерских курсов. Зайдет Светочка-конфеточка, глазками похлопает и уходит на телефоне висеть. Сердце моё, сердце! Что болишь, ретивое? Что терзаешь? Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест.

Пойдем дальше. Что я люблю? В первую очередь, конечно, Господа. Это несомненно. Любить Совершенство, Лю-

бовь и Милость легко и нормально. Здесь, если у кого трудности, это проблемы духовного паралича или полного по-мрачения. Даже наши враги признают, что Иисус Христос прекрасен и чист, а его учение, возвышенно и даже поэтично.

Труднее обстоит дело с миром тварным, созданным Господом для блаженства, но так пошленько загаженным человеком.

Как, скажите на милость, любить моего школьного друга Гошу, когда он меня грабит с «честным» взором «голубого воришки»? Приходит Гоша за очередным «траншем» займа и бьет в грудь: отдам, не беспокойся. Ни разу не отдал. Да я и не требую. Только зачем врать? Зачем обещать, что на подходе «золотые горы»?

Никак не полюбить мне начальника. Это вообще без вариантов. Платит мне он, как муравью, а работу требует, как со слона. У него от моих трудов лучший оформительский дизайн в округе. Монументальные росписи по стенам учреждения, как на вилле олигарха. Я портретами всю его семью обеспечил. Сереньких и неказистых отпрысков так написал, будто те с Голливудского олимпа на часок попозировать захали. Опять же, дачу ему помог за полцены достроить. Век бы ему без меня в сарае дырявом по выходным прозябать. Не ценит гражданин начальник.

Или вот еще соседка моя Рита. Еще недавно бегала по двору девчонка с косичками, стрекоза голенастая, а теперь...

Волосы розовые, штаны шириной с Миссисипи. Топик, будто детская распашонка. Между нижним и верхним уровнями одежды впалый живот с кольцом на пупе. Ну чистый клоун! Мимо проходит: нос кверху, взгляд оловянный, челюсть, как у жвачного животного, — туда-сюда елозит, ни те «здрасьте», ни «до свиданья». Ну ладно, была бы Ритуля из проблемной семьи, — так нет, нормальные предки. Сами, горемычные, от дочкиных «приколов» и «прикида» в шоке.

А как научиться любить соседей сверху? Эти загостившиеся «гости столицы», как правило, раз в месяц заливают меня водой. Через день оглушают музыкой, похожей на соло волчьей стаи под аккомпанемент турбины бомбардировщика. И каждый день с восьми утра до двенадцати ночи их мальчуган сотрясает потолок, издавая зоологические звуки. На просьбы вести себя тише я слышу: подумаешь, дитя играет. Баловать мальчишек, — это у кавказцев национальное. Кажется, теперь мне ясно, как грамотно вырастить бандита. Надо просто ребенку позволять всё.

Ну ладно, эти неверующие. С них и спрос невысок. А как-то мне исповедоваться отцу Никодиму, который с некоторых стал попивать?! Я у аналоя вместо горячего покаяния чувствую тошноту от перегара. Мне что, из-за этой немощи храм поменять? Так я, извините, расписывал его бесплатно и больше десяти лет часть заработка туда нес. Мне в моем храме каждый уголок дорог, в прямом и переносном смысле.

Друг мой, Генка, в монахи постригся. Укатил в какую-то

глубинку, но через год снова-здорово в столице «вынырнул». Теперь носится по улицам с ящиком для пожертвований. Ты, если монах, сиди в келье и молись. Пусть за твои молитвы к тебе богатенькие сами идут. В конце-концов, кто кого спасает? Кто кому должен?

Нет, что-то у меня сегодня покаяние никак не ладится. Сердце мое сердце... Давит грудь, будто плитой бетонной. Ладно, Господь все видит. Помолиться, что ли?.. Генка – и монах... Ну куда ты суешься? Бред! Что-то молитва не идет... Надо собраться. «Отче наш, Иже еси...» А ведь в больницу залетел по вине начальника. Это он меня в отпуск полтора года не пускал... «...на небеси...» ...Ритка с красными волосами... Гости столицы, с гор свалившиеся... Генка с ящиком... Батя с перегаром...

Сердце сдавило! О, Господи! Помилуй!»

В груди Родиона что-то сильно рвануло, резануло, – и горячая боль разлилась по телу.

Он встал и прыгнул с кровати. Легко и просто. Под ногами густой воздух спружинил и подбросил его вверх, как на батуте. Он взлетел и задумчиво повис под потолком.

«Что же это получается? – размышлял он. – Я здесь, и я там, внизу. Здесь я легкий и здоровый, а там, на кровати, белый и застывший, с открытым ртом. Не очень эстетично. Соседи по палате вспокоились и побежали за Светочкой.

Мне стало смешно. Чего это они суетятся вокруг белого уродя, когда я – вот он. Света подскочила, вся розовая от

волнения. Эй, Светик, приветик! Ну, взгляни на меня. Эй ты! Что бьешь по груди мое второе «я»? Прекрати! Чему вас только в медвузах учат. Да вот он я, люди!

И только в эту секунду я понял, что случилось. Да я помер! А эта белая кукла с открытым ртом, вокруг которой света, – мой хладный труп.

Господи, помилуй! Спаси и сохрани! Пресвятая Мати Богородица, спаси меня, грешного!»

И в этот миг все изменилось. Он легко, как на мощных невидимых крыльях, взметнулся вверх. Пролетел сквозь бетонные перекрытия и крышу. Взмыл в небо и стрелой пронесся сквозь пелену облаков в бездонную синеву. Но и небо вскоре осталось сзади. Он пролетел черный космос со звездами и оказался в полном мраке. На земле такой темени нет. Это полное отсутствие света. Но он продолжал лететь. Интересно, куда теперь? Страх не было. Скорей, любопытство наполняло его.

Вдруг полет оборвался. Родион очутился у невидимого порога, словно перед стеклянной стеной. Оттуда лился свет. Ему очень захотелось туда, в мягкое весеннее сияние. «Интересно, можно мне туда?» – подумал он. «Войди!» – услышал в тот же миг ответ. Это не был звук. Повеление произошло оттуда, из света, и отозвалось в каждой клетке его существования. Или фотоне?.. Он мельком оглядел себя и обнаружил руки, тело, ноги, – очень похожие на свои собственные, но молодые, без морщин и слегка светящиеся.

Однако невидимая стена между ним и светом исчезла. Родион вошел внутрь. Только шаг сделал... Даже не шаг, а легкое движение, – и вот оказался на солнечном поле. Здесь не было ни привычного источника света, ни теней. Словно воздух в самом себе нес мягкое рассеянное свечение.

Что-то произошло. Как на литургии, когда открыли царские врата и невидимая волна прокатилась по всему пространству храма, и вынесли из алтаря золотой потир. «Царь сошел с трона к Своим подданным», – как всегда в такой миг, пронеслось в душе. Всем новым существом он ощутил Присутствие. В тот дивный миг на него сошла любовь, какой никогда он еще не испытывал. Все земное представление о счастье рассеялось, как сумрак от солнца, вышедшего из густых туч.

Свет воссиял. Любовь наполнила его без остатка. Из света раздался добрый голос. Каждая частица его существа отозвалась и потянулась ему навстречу. Так тянется растение к солнцу. Он узнал Его. Как сын узнаёт отца, раб – господина, тварь – Творца.

Преграда между Богом и человеком исчезла. Ложь земного обмана, лукавство мира, въевшееся в душу, мишура самолюбивых мечтаний – всё растаяло. Отныне он не мог отгородиться от Судьи делами и заботами. Родион предстал перед Господом таким, каким Господь, для Которого нет ничего сокровенного, всегда видит каждого человека. Но впервые Родион сам открылся перед Богом обнаженным телом своей

души.

«Что ты можешь показать Мне из своих дел, Родион?» – услышал он ласковый, но властный голос Повелителя.

И познал он истину о себе. Перед ним проходила вся его жизнь день за днем. Впервые она явилась ему не в человеческом представлении, а естественной, без прикрас. Все поступки были пропитаны ядом гордости. Дела, которые он считал добрыми, оказались черными от плесени тщеславия. Отношения с людьми омрачались самолюбием.

Напоследок его жизнь раскрылась, как панорама. Она походила на грязную реку с мутной зловонной водой в берегах, поросших колючками и буреломом. А текла река его судьбы в страшную черную пропасть без дна. И понял он, что эта за пропасть!.. Это адская бездна.

«Ты жил для себя, а не во имя любви. В этом твоя ошибка.»

Голос, полный отеческой заботы, звучал вокруг и внутри человека. И если бы не Его участие, если бы не мудрая доброта, Родион бы сгорел от стыда и превратился в горстку пепла. Но что-то удержало от полного отчаяния. И он остался спокоен. Это было тихое предчувствие радости. И Подаватель этой непобедимой радости прощения сказал:

«Вернись на землю и измени свою жизнь.»

На прощанье Родион оглянулся. «Какое блаженство находиться в небесном свете! – подумал он. – Как Ты любишь нас, Господи! Я должен сделать всё, только бы вернуться сю-

да оправданным. Помоги мне, Спаситель.»

– ...Ну, что же ты, миленький! Вернись, пожалуйста! Ты видишь, как я стараюсь? – причитала Светлана, ритмично наваливаясь на его костлявую грудь сильными руками. Слезы ручьем и пот градом заливали ей глаза. Тушь с ресниц растеклась по лицу черными разводами. Она размазывала все это по лицу рукавом и по-бабьи выла: – Не дам я тебе умереть, слышишь? И не думай. Я лучше сама помру, но ты у меня оживешь.

– Света, кончай месить меня. Я тебе что, тесто, – первое, что удалось ему сказать после возвращения в собственное тело. – Ты мне ребра сломаешь.

– Ур-р-а! – закричала мучительница. – Живой!

– Ну да, а как же иначе? – ворчал Родион, потирая ноющую грудь. – Ты старалась, и я тебя пожалел. Ну и ручки у тебя... – рассматривал он ее тонкие пальчики. – Ими подковы разгибать можно.

– Да что ты! У меня от страха силы появились. Спасибо тебе, что ты не умер. Я... не знаю, что бы делала... – и она снова заревела, как испуганная девчонка.

Согласие

Петр вспомнил, что и раньше видел Марину: в столовой, в процедурном корпусе, на набережной. Но проходил мимо.

«Вот так за свою жизнь мы проходим мимо тысяч людей, и только человек тридцать на самом деле живут с нами, – подумал он. – И только единицы становятся действительно близкими. И вовсе необязательно это члены семьи или родственники.

С той минуты, как я увидел душу девушки, сияющую неземным светом, понял, что полюбил ее. Не девушку, как объект вожеления, но эту чистую, страдающую прекрасную душу. Наверное, впервые мне довелось узнать, что такое духовная любовь. Ну, пусть не истинно духовная, как у святых, но хотя бы какой-то малый отблеск ее, крупница... Но как она прекрасна! То, что я принимал за это раньше, сейчас кажется обманом, тенью, иллюзией... Хотя, честно признаться, и тот обман дорог. Может потому, что путь к любви земной непременно проходит сквозь тернии страданий и уколы боли. А что дается с трудом и сохраняется мучительно, ценится особенно.

В новой для меня любви, чистой, как улыбка младенца... В сладостном чувстве нет и полутени. Новизна необычайно радостна и блаженна. В этом свете нет тьмы!. Вместо обычного похотливого желания обладать, чтобы урвать ку-

сок сладкого пирога, – здесь блаженство, которое не испить, ни присвоить, ни скрыть в тайнике. Это приходит, когда не берешь, но готов себя отдать другому без остатка, до смерти, до... жизни вечной.

В любви духовной все не так, как в земной. Испив из безбрежного источника, нипочем не захочешь вернуться к грубым земным подделкам. В тот миг ее преображения мне показалось, что блаженство — уже навечно. В ту секунду время остановилось. И когда видение отступило, тонкая горечь примешалась к сладостному послевкусию небесной радости. Душа девушки, наверное, испытывала нечто похожее на стремление пленницы на волю. На ностальгию измученного путника по отчему дому, где все свое, где все такое родное!

Мне захотелось взять девушку за руку и сказать: «Пойдем же скорее домой! О, как хорошо там!» Но, увы, скорей всего, вернуться домой нам предстоит порознь. У каждого на земле свой путь и свое время перехода. И пройти этот путь каждый должен сам».

– Ты меня слышишь? – спросила Марина.

– Да, конечно, – отозвался он.

– Мне с тобой хорошо и спокойно. Но я не знаю, как себя вести. И не знаю, что говорить. Эй, ты где? Слышишь?

– Да, конечно. Ты рассказывай. Я слушаю.

Снова и снова Петр мысленно возвращался к видению. Так, наверное, заключенный жадно приникает к тюремной

решетке окна, откуда льется синева желанного чистого неба. Он помнил мельчайшие подробности лица, бестелесного тела, одежд. Даже то дивное сияние, которое исходило от нее. Но, вернуть хрупкое тончайшее блаженство неземной любви ему, увы, не удалось. Это как вместо купания в прозрачном изумруде волны разглядывать фотографии водной поверхности. Красиво, конечно, но не то...

Петр сел на пенек, бархатный от зеленого мха. Марина устроилась рядом. Его взгляд скользил по примятой траве. Вдруг с листика подорожника, похожего на сухопутную кувшинку, блеснул яркий изумрудный луч света. «Наверное, кто-то обронил драгоценный камень», – пронеслось в голове. Не теряя взглядом светящейся точки, он чуть сдвинул голову – луч изменил цвет на ярко-красный. Теперь казалось, что сверкает рубин. Он слегка переместил голову в другую сторону. Вот чудеса! Сейчас фиолетово-синий сапфир выпустил в него ярко-синий луч. Он осторожно, по-кошачьи мягко, чтобы не потерять из виду сверкающего камня, подался вперед, сделал шаг, еще полшага... Вот оно что! На ладошке листа подорожника покоилась крохотная росинка. Это она, преломляя луч солнечного света, весело рассыпала вокруг радужные лучи.

«Всего-то капелька чистой воды на солнце, а как сверкает! – удивился он. – Нет, право же, чистота и свет – это чудесное сочетание. Кажется, мне открылось что-то потрясающее, – вздохнул он про себя. – Хоть и в малой степени,

«как сквозь тусклое стекло, гадательно», но мне удалось пережить отсвет той любви, которая пребывает в жителях Царства Небесного. Теперь мне отчасти ясно, как может изменить, освятить душу человека в один миг только одно Иисусово «хочу, очистись!» Где? Когда? В точке встречи нашей мольбы с волей Спасителя. В таинственной точке, откуда возьмет начало вечность».

Он оглянулся на Марину. Девушка сидела в пол-оборота к нему, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Она не видела странноватых перемещений соседа, не слышала его мыслей. Она что-то рассказывала.

– Я объездила почти весь мир и всюду как-то не так.

– Почему?

– Меня знакомили с богатыми и знаменитыми людьми.

Внешне они очень респектабельны, но мне казалась, что они постоянно лгут. Понимаешь, от них веет холодом. И самое страшное, что они этого не замечают.

– Ах, милая девочка, и ты тоже... – вздохнул он.

– Что?

– Ты тоже несешь этот крест. Только в отличие от нас, ты одна и без помощников.

– В отличие от кого – от нас? Почему одна? Какие помощники?

И он понял, что теперь можно, и открылся ей. И рассказал все...

...— Теперь ты поняла, откуда у тебя эта смертельная усталость? — спросил он напоследок. — Поняла, что без церковных таинств тебе не выстоять?

— Поняла. Ты мне поможешь?

— Конечно.

— С тобой я пойду.

— Вот и умница.

Остановка

На шестичасовой автобус Иннокентий опоздал.

Спешил, как мог, собирая вещи, запихивая их в сумку. Они не слушались хозяйской руки, комкались, вываливались наружу, словно издеваясь над ним. Несколько раз усталость и раздражение выталкивали его из номера на балкон, в глубокое кресло, которое успело стать любимым. Сидел, смотрел на покойное синее небо в пухе облаков, текучую воду узкой реки, слушал птичью трескотню, успокаивался...

Наконец, ему удалось освободиться от цепкого захвата тишины. Оборвал цепи, приковавшие к этому месту краткого отдыха. И выскочил из корпуса. Бросил прощальный взор на колонны, башенки и стеклянные стены зимнего сада. Проходя березовую аллею, последний раз вдохнул душистые пары, висящие влажными клубами. Помахал рукой сонным охранникам на проходной. Осталось преодолеть пригорок с редким сосняком и полоску клеверного поля. Взобравшись на вершину холма, он увидел то, от чего сердце сжалось и заныло: желтый угловатый автобус отъехал от остановки и сворачивал на шоссе. Опоздал.

Ну что ж, торопиться теперь не стоит. Он перевел дух и по узенькой тропинке, по мягкому клеверному ковру добрел до остановки. Оказывается, не он один опоздал. Здесь под бетонным козырьком на скамейке сидел коренастый мужчина

с сумками. На его вспотевшем загорелом лице таяла досада.

– Когда следующий? – спросил Иннокентий.

– Теперь через час, – со вздохом ответил тот.

Вернуться в дом отдыха нельзя. Горничная, принявшая номер, сразу приступила к уборке. Придется ждать здесь. Иннокентий снял очки и тщательно протер платком. С холма шариком скатилась полная женщина и тоже присоединилась к опоздавшим. Затем трусцой прибежали мама с девушкой. Энергично подошел веселый мужчина в мятом летнем костюме, лихо размахивая хрустящим полупустым пакетом.

Они смотрели на часы, вздыхали, ерзали на жестких брусьях скамейки, ворчали и скребли затылки. Наконец веселый подытожил:

– Итак, братья славяне, имеем вынужденный простой. Тогда, может, скинемся? Я сбегаяю. Здесь рядом.

– Кто про что, а вшивый про баню, – отозвалась женщина-шарик.

– Время отдыха нужно проводить с максимальной пользой, – поднял палец веселый. Потом повернулся к Иннокентию и выпалил:

– Мужчина, на троих будешь?

– О чем вы, собственно?

– По стаканчику винца, чтоб напряжение снять. По-вашему, релаксация.

– В принципе, я не против, если кто третьим, конечно, согласится.

– Я по воскресеньям не пью, – отозвался загорелый, – завтра на работу.

– Всем на работу. Как сказано, не думай о завтрашнем дне, он сам себя кормит. Сегодня нужно жить полной грудью.

– И это, по-вашему, называется жить? – встрепенулся загорелый. – Вы такой житухой всю Россию пропили. А что не пропили, то продали.

– Не надо нам инкриминировать инсинуации, мужчина! – неожиданно мягко ответил веселый философ. – Вас послушать, так только трезвенники и работают. А у нас, может, душа тонкая – она, может, родимая, от скорби горит и жидкого хочет. – Он оглядел коллектив опоздавших. – Вот, скажем, вы, мама девушки, и вы, дочка мамина, скажите своему народу, что еще делать, если глаз видит царящее в мире зло, а душа от этого страдает?

– Ну не напиваться же в конце концов, – мягко ответила мать. – Есть же какие-то другие достойные вещи!

– А может, лучше мир цветами украсить? – робко подала голос девушка, зарывшись лицом в букет пионов. – Я читала, что красота спасет мир.

– Ах, милые наши девчухи, – всплеснул руками веселый. – Все вы изволите в миражах витать, да мерцать. Покойника тоже цветами украшают, только он живым не становится. Где смысл?

– Мы без вашего смысла жизнь прожили, и ничего, – кру-

танула облупленным носом круглая женщина.

– Так только глупые дуры могут говорить, – возмутился загорелый. – Для нас смысл в работе! Мы строили великое будущее!..

– ...А настроили бараки да казармы, – завершил фразу Иннокентий.

– Да если бы нам зарплату не задерживали по полгода, мы бы столько еще сделали!

– Как же, дождешься от этих казнокрадов зарплаты! Они ее в своих банках крутят, кровососы.

– А жилье где, я вас спрашиваю? Я пятнадцать лет на квартиру стою, и мне ее как своих ушей не видать.

– А криминал! Не страна, а какая-то преступная группировка.

– Спокойно, господа славяне, так у нас дела не пойдут, – решительно поднял руку веселый. – Сейчас могут начаться нежелательные диспуты. Я же по врожденному миролюбию души убедительно попрошу раскошелиться на средства мирного решения вопросов. Ну, что с нами, совками, поделатъ, если мы только в состоянии расширения сосудов становимся добрыми и великодушными.

По рукам пошла хрустящая полиэтиленовая сума. Каждый что-нибудь да бросил в ее распахнутое нутро. Веселый схватил ее и побежал в ближайший магазинчик под названием «Что душе угодно». Вернулся он так быстро, что даже его поведение обсудить не успели. Только молча с мыслями

собрались, – а он тут как тут. Кроме туго набитого пакета в его руках появился ящик, который он приспособил под стол заседаний.

– Скажу по-простому, – поднял пластмассовый стаканчик тостующий. – давайте несколько выпьем – это так сближает!..

Когда выпили «по первенькой» и закусили, народ стал преображаться. Познакомились. «После второй» народ размяк и сделал первые шаги к сближению: раскрыл сумки и достал «домашнее». Так на столе появились сало, яички, зелень, огурцы с помидорами, и даже пирожки.

– Был я здесь в гостях у одного крутого мужика, – кивнул Родион в сторону поселка с трехэтажными дворцами за высоким забором. – Представьте, у него все есть. Ну все! А ему скучно. Все страны объездил, вина какие ни есть продегустировал, блюда мировой кухни перепробовал, машин целый гараж перебил... Женщины с него только деньги тянут, а любви не дают по причине ее в них отсутствия. Друзья предали и продали. Живет один и скучает. Вот я к нему и приезжал по душам поговорить. Верите ли, удалось мне этого царевича-несмеяна развеселить. Да еще и жизнелюбием поделиться. Так он провожал меня, как руку себе отпиливал, – с великой неохотой. Приходи, говорит, живи тут, я тебе мильён отстегну, только будь моим придворным шутом. А я чего? Могу хоть шутом, хоть клоуном, только чтоб человеку хорошо стало.

– Эх, Родя, насмешил! Шутом! Эх закрутил! – хлопала по плечу веселого философа его соседка Надя-шарик, розовая и широкая жёстами.

– А ты, Надюшенька, еще не знаешь, на что способна! – Родион убедительно погладил ее рыжую кудрявую голову. – Если тебя немного раскрыть, как личность, ты у нас зацветешь аки маков цвет и за истиной потянешься, как за солнышком. Или вот, к примеру, посмотрите на маму Веру и ее дочурку Танечку – это же не раскрывшиеся бутоны любви. Это бриллианты души и духа! Да я готов умереть тут за вас, чтобы только вам немного лучше стало!

– Ну, умирать тебе, Родя, торопиться не стоит, – весомо пробасил загорелый Василий. – Мы еще с тобой поработать должны всласть.

– Так я уже и не против, Вась, если, конечно, со смыслом. И для ради моего народа. Который я, как известно, люблю.

– А как же прослойка народа, которую я имею честь представлять? – поинтересовался интеллигент Иннокентий, слегка захмелевший. – Я имею в виду, собственно, нас, людей умственного труда.

– Кеша, скажу тебе, как лучшему другу и человеку с безусловно тонкой душевной организацией, – Родион обнял его через стол заседаний длинной рукой. – За тебя я тоже много чего отдать готов. – И окинул всех удивительно трезвым взором. – Так что, думаю, мы еще скажем свое слово соборной душе этой планеты.

– Соборная душа? Это что такое? – спросила мама Вера, похрустывая нежинским пупырчатым огурцом.

– Это по-научному такая душевная оболочка Земли, в которой, как в едином организме, существует мировая душа вселенского человека – Адама.

– Откуда вы это знаете? – спросила подросток Танечка, неотрывно глядевшая на Родиона из-за пионов.

– Ах, милое дитя, у меня за плечами годы и годы исканий. Такое узнавал, бывало, что ночные небеса звездочками трепетали вместе со мной. А от многих знаний, как известно, многие печали. Песенку помните? «Горечь го-оречь, вечный при-ивкус на губах твоих, о, Русь!» Но верно и другое: не познавший горечи и сладость не оценит.

Право же, хорошо им было!.. Тихий ароматный летний вечер окутывал землю. Слоистый туман парил над клеверным полем. Со стороны поселка доносились мирные звуки и аппетитные домашние запахи. Обычное бетонное сооружение из двух стен и крыши стало их домом. Уютным пристанищем.

Благодаря стараниям Родиона и его всеобъемлющей доброте они стали друзьями. Никто не вспомнил про автобус, который явно опаздывал. Им вдруг стало очень важно, что можно вот так сидеть с незнакомцами и чувствовать себя нужными, связанными узами дружбы, взаимной симпатии. Вино сделало свое дело, «развеселило сердца людей» и отошло на второй план. Они говорили и не могли насытить-

ся беседой, улыбались друг другу, всем, всему...

Родион, как ни странно, стал абсолютно трезвым. Его веселое добродушие согревало всех и было абсолютно искренним. Он умел каждому сказать хорошее. Никто от него не услышал ни единого слова осуждения. Правда, иногда казалось, что он сдерживал себя: он знал гораздо больше, чем говорил. Да и глубина его души только слегка обозначилась под солнечными блестками, игравшими на поверхности, доступной для наблюдения окружающих.

– Дорогие мои, – сказал Родион, – если б вы посмотрели на себя моими глазами! Какие вы светлые и лучистые! До чего же я вас люблю.

– Родя, родимый, – шмыгнул носом Кеша, – дай я тебя облобызаю. Классическим троекратным лобызанием...

– На себя посмотри, Иннокентий! Да ты же вылитый гений грандиозус. Вы все – одни гении и все грандиозусы.

– Слушайте! А давайте пойдем к нам на дачу, – предложила мама Вера под восторженные аплодисменты Танечки.

– Можно и ко мне, – солидно кивнул загорелый Василий. – У меня на фазенде, между прочим, отопление имеется. Так что не замерзнем.

– А у меня зато речка рядом с участком. Искупаться можно, – тряхнула рыжими кудряшками Надя-колобок.

– Я предлагаю вот что, – сказал Родион. – Мы будем ходить из дома в дом, пока не надоест. Чтобы никого не обидеть.

– А как же автобус? – пролепетал вдруг Иннокентий. – А как же работа...

На минуту наступила немая пауза. Все удивленно посмотрели на возмутителя покоя. Казалось, он сказал что-то страшное и неестественное. О городской суете забыли начисто. Никому не хотелось возвращаться в шум, дым, нерво-трепку. Люди глотнули из чистого источника любви. Людям это понравилось. На помощь другу пришел Родион:

– Автобус, Кеша, дело свое сделал. Своим опозданием он нас подружил. Когда его спишут, мы его тут на пьедестале поставим. В знак благодарности. А что касается работы, так при твоём-то могучем интеллекте ты будешь востребован всегда и везде. Впрочем, если хочешь, можешь уехать. Только имей в виду: мы без тебя осиротеём...

– Дядя Кеша, оставайся, – тоненько пропела Таня.

– Мы тебя любим, – прошептала мама Вера, смутившись.

– Парень ты, Иннокентий, капитальный, – пробасил Василий. – Не бойся, я тебе, если хочешь, вот этими руками целый дом с мезонином поставлю. У меня тут друзья разные имеются. Мы тебя в главные инженеры определим. Ты у нас как сыр пошехонский в масле вологодском кататься будешь.

– Правда, Кешенька, как же мы без тебя? Ты нам как родной, – шмыгнула носом Надя, робко поглаживая Иннокентиево костлявое плечо.

– Все! Остаюсь! – грохнул Иннокентий в грудь кулачком и зацвел пунцовым маком.

– Ура! Ура-а-а! Ур-р-ра! – раздалось со всех сторон.

И они пошли в гости к Василию. В его теплый, солидный дом в соснах. Ужинали на веранде у мамы Веры и дочери Танечки. А купались в реке в гостях у Нади.

У костра, поздно ночью, заинтригованный Иннокентий решил попробовать разгадать тайну Родиона. И спросил его прямо, по-мужски:

– Родик, скажи, пожалуйста, дорогой, к чему ты пришел?

– Ко многому, Кеша. Что именно тебя волнует?

– Ты говорил, что искал истину. Ты ее нашел?

– В общих чертах...

– Так в чем смысл жизни?

– В стяжании Духа Святого. Всё.

Сказал он это негромко. Сказал он это просто. Сказал он это кратко. Но услышали все. И не пришлось им спать в ту ночь. И от его слов, несущих свет, расступалась тьма ночи. А люди... Они становились лучше.

Немой

Давно Борис не ездил поездом. А зря. Оказывается, железная дорога – это здорово.

Что такое сидеть за рулем? Это напряжение и внимание. Нужно следить за дорогой, вспоминать, что означают дорожные знаки. А также нелишне приглядывать за соседями по автомобильному стаду, которые только вчера купили права по сходной цене. Никак нельзя позволить им боднуть своего коня в железный бок. Опять же мытари дорожные только и ждут иномарку со столичными номерами, чтобы запустить липкую лапу в твой тугой, как им кажется, кошелек.

А в поезд сел – и всё: ты отдыхаешь. Можно кушать борщ из блестящих металлических судков, закусывая порцию хлебного вина. Желаете поговорить с пассажирами – пожалуйста. В дороге языки у людей обычно развязываются, и новости можно узнать из первых уст. А если ты молчун и не имеешь потребности с народом общаться, смотри себе в окно и наблюдай, как мимо проплывает огромная, красивейшая в мире страна. На стоянке выйдешь на платформу и спрашиваешь: а что, мать, вишня нынче почему за кулёк? А это что? С чем? И почему? Вернешься в купе, развернешь на местной газетке добычу и... хорошо!

Внезапно Бориса будто в бок ударили. Встал, собрал вещи и пошел к тамбуру.

Сошел на станции. Какой? Он не знал. Таблички с названием здесь не имелось. Да и какая разница? Поставил сумку на асфальт перрона и задышал, занюхал жадными ноздрями. У железной дороги свой запах: тяжелый, как грузовой состав, и басовитый, как гудок тепловоза. Это вам не просто какой-то мазутный дух – но аромат дальних странствий.

Поезд уехал, а на платформе остались двое: Борис и мальчик. Ну, упитанный мужчина, взирающий на мир устойчиво мраченьким взглядом, с огромным лбом, похожим на римский таран, и короткой стрижкой «а ля рюс бандитэ» – ладно. Вряд ли кого удивит такая внешность. Таких немало. А вот мальчуган... этот – необычный. Сейчас немало бездомных развелось. Кто-то бежит из дома от пьянства и побоев, кто-то ищет приключений. Этот паренек внешне походил на обычного бомжика, но лицо — с правильными чертами, умное, а в глазах проживало что-то эдакое... Он смотрел на Бориса исподлобья. Взгляд пронизательный и спокойный. Кажется, он изучал взрослого, оценивал. Борису и самому стало интересно, может ли вызвать доверие его персона? «Ну-ка, посмотрим!» Подошел и спросил:

– Кушать хочешь?

В ответ – утвердительный кивок головой.

– Ты что, немой?

Снова кивнул: да. Борис промычал «бывает» и оглянулся окрест: а где тут?.. Станция представляла собой одинокую платформу с кирпичным строением типа скворечник

для продажи билетов. Может быть, раньше здесь что-то и было, но, видимо, старое разрушили, а новое построить денег не хватило. Во всяком случае, на сегодня – кругом степь с малыми перелесками. Ближайший населенный пункт виднелся на самом горизонте, это километров пять пешком.

– Ладно, пойдем. Что-нибудь придумаем.

У них под ногами запетляла вытоптанная тропинка. Вокруг серебрилась и густо благоухала душистая горькая полынь. Ковыль пучками седых волос торчал из сухой морщинистой земли. Высокий татарник из-за острых колючек поглядывал любопытными синими глазами соцветий. Над головами висел оранжевый диск солнца и коршун, вялый, как тарань. За ходами клубился шлейф рыжей пыли. На подступах к мелкой речушке набрели на заброшенное картофельное поле, густо заросшее бурьяном. Почесал Борис затылок, дернул ботву – из пыльной земли выскочили корни с четырьмя махонькими розовыми клубнями. Надергал еще несколько – и вот уже горка молодой картошки наполнила пакет с рекламой французской косметики. Мальчик с едва заметной усмешкой наблюдал за его кулинарными потугами.

На берегу речки под грустными плакучими ивами чернело штатное кострище. Видимо, не им одним приходилось пользоваться услугами этого гостеприимного места. В густых зарослях колючего кустарника Борису удалось разыскать сухой хворост. С горем пополам, с третьей попытки разжег костер. Ножом из гибких сочных веток вырезал шампуры. Из сум-

ки достал банку консервированных сосисок. Как у ручной гранаты перед броском, выдернул кольцо. Взрыва не последовало, зато из открытой банки веером прыснул сок, и обнажились тонкие сосиски по-венски. Насадил парочку колбасных изделий на заостренные прутики и подвесил над костром. Наглотавшись дыма, раскатисто кашляя, со слезящимися глазами, но с победным видом подошел Борис к становищу. Мальчик лежал на спине и с аппетитом уминал булочку, сорвав с нее вакуумную упаковку. Рядом валялись пустые банки из-под сосисок и огурцов.

– Ну вот, всю кулинарную композицию сломал. Ты бы хоть картошки дождался. Минут через десять испечется.

Мальчуган вскочил, в три прыжка подлетел к костру и ловко выкатил из бордовых пылающих углей пяток картофелин. Деревянной кочергой, будто клюшкой для гольфа, забросил их по очереди в мелкую прибрежную воду. «Для охлаждения, стало быть», – догадался Борис. Достал картошку из воды, отряхнул и прямо в кожуре проглотил. «Маугли какой-то. Да еще и голодный.» Борис достал из сумки и протянул ему бутылку нарзана. Тот залпом ее выпил. Благодарно рыгнул.

– Теперь ты похож на удава, проглотившего свежепойманную макаку, – показал Борис на округлившийся живот своего сотрапезника, натянувший грязную футболку. – Плохо не будет?

– Нет, я привычный, – весело дернул головой мальчуган.

– Глядя на тебя, у меня тоже аппетит разыгрался. Пожа-луй, и я пожую, с твоего разрешения.

– Что вы, что вы, не стесняйтесь, закусывайте, – велико-душно пожал тот плечами.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

– Вот те раз. Но как-то же надо к тебе обращаться.

– Обращайся как все – немой.

– Это неправильно. У каждого человека должно быть имя. Вот меня, к примеру, зовут Борис. На Небесах у меня есть за-ступник – благоверный князь Борис, сын равноапостольно-го Владимира, крестителя Руси. Невинный Борис был убит собственным братом Святополком-окаянным. Князь Борис меня любит – я знаю. Он за меня молится Богу. Нет, нет, ты как хочешь, а имя тебе надо занять. А ты крещеный?

– Не знаю.

– Хочешь, мы тебя окрестим, и ты получишь имя?

– Я не против.

– А родители у тебя есть?

– Где-то, может быть, и есть. Но не здесь и не со мной.

– Они тебя обижали?

– Не помню.

– Давно в бегах?

– Давно.

– Одному жить страшно?

– Мне не с чем сравнить. Другой жизни я не знаю.

– Наркотики принимал?

– Приходилось, но мне не понравилось.

– Спиртное?

– Гадость.

– Это точно.

– А можно я про себя расскажу?

– Давай, если хочешь.

– Вот ты немой. То есть мысленно ты говоришь, но тебя не слышат, и мысли твои улавливает не каждый. Понимают жесты, да и то что-то простое, вроде «да» и «нет». Но, судя по всему, тебя это устраивает?

– Ну, я бы не стал утверждать, – задумчиво медленно повел он плечом. – Скорее, я принимаю немоту и бездомность, как печальную необходимость.

– То есть, ты с этим смирился?

– Конечно.

– Молодец. А у меня вот что. Всю жизнь я делал карьеру. Как бульдозер, ломил напролом, чтобы добиться того, чего добился. Сейчас у меня есть всё, что я хотел: деньги, власть, большая квартира в городе, загородный дом, две машины, собака, кот, подруга-красавица и враги...

– Неплохой комплект, – улынулся мальчик. – Чего же тебе не хватает?

– Видишь ли, меня это... не греет. Пока всего добивался, было интересно. Существовала цель. А теперь не устраивает. Мне, оказывается, необходимо, чтобы я кому-то был нужен.

То есть, конечно, все от меня чего-то хотят: денег, связей и прочего... Но поговорить по-дружески не с кем. Вокруг меня толпа людей, – но я один. Я говорю, а меня не слышат. Ну, как у тебя: «да» и «нет» понимают. У меня примерно так же: подойдут, выпросят денег – и в туман. Ты им кричишь вдогонку: «Куда же вы, люди, давайте о душе!» Не слышат. Они уже далече. Цель у них появилась: деньги потратить. Выходит, что я среди толпы такой же немой, как и ты.

– Ну не совсем... – иронично мотнул он головой.

– Считаешь, дядя с жиру бесится?

– Примерно, так.

– Нет, мой юный друг, ты не прав. Это кризис... среднего возраста. Тупик. Ты, например, знаешь, почему я здесь?

– Почему? – вскинул он глаза, пронзительно-карие.

– А я из дому сбежал. Только никому!.. – шепнул Борис, оглянувшись. – Был тут у меня в гостях один интересный парень по имени Родион. Он сказал мне, что я еще не нашел себя. Вот и решил найти. Собрал наскоро сумку, сел в первый попавшийся поезд и вышел на незнакомой станции. Я не знаю, куда иду. Не знаю, где буду ночевать. И что будет со мной завтра. И будет ли оно – это завтра.

– Мне это знакомо, – вздохнул мальчик.

– Значит, мне стоит поучиться у тебя выживанию. Научишь инфантильного горожанина?

– Чем богаты... – кивнул он головой.

Они поднялись и выступили колонной.

– Конечно, – продолжил Борис бубнить на ходу, – наелся и доволен. И говорить тебе не нужно. И мыслить тоже ни к чему. А у меня, знаешь ли, свои привычки. Они, может, годами приобретались. Их просто, как фантик, из жизни не выбросишь. Например, утром мне нужно ванну принять и чашечку кофе пригубить. В махровый халат завернуться. Туалетной водой освежиться. По телевизору новости прослушать. Курс доллара узнать. Собаку выгулять. Машину фланелькой протереть...

Мальчик обернулся и ошпарил взглядом, будто кипятком. Борис даже осёкся.

– Что, мне уж и наболевшим нельзя поделиться? – А в ответ тишина... Он грустно улыбнулся, глядя в упрямый вихрастый затылок. – Да, суровый попутчик достался. Кремень!

Дальше шли молча. Повернул Борис голову направо – степь, налево... в общем, примерно, то же. «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» – запел он жалостливо и осёкся. – Дальше не помню. Ага, вот еще: «Степь да степь кругом, путь далёк лежит...» Слова давай! Нет слов. А! Вот: «И вышли они где-то под Таганрогом, среди бескрайних степей. И каждый пошел своею дорогой...»

«Стоп, – сказал он себе, но не остановился. – А что, если мальчуган сбежит? Возьмет и стрекача задаст. Ага. Теперь понятно, кто здесь главный. Кто ведомый, а кто ведущий. Кто клиент, а кто сервер. Всю жизнь людей, как траву бульдозером, подминал. А тут в немилость мальчишки попал и

загрустил. Ну и дела, – провел он ладонью по лицу. – Собственно, что я переживаю? Человек я свободный, как ветер. Хочу – на Канары махну, пожелаю – в Сочи на три ночи. Могу, в случае чего, и домой вернуться. Подумаешь!..»

Мальчик еще раз обернулся и даже остановился. Борис чуть не налетел на него.

– Что? Почему остановка?

Молчал попутчик. А в глаза его Борису и смотреть не хотелось. Или не мог?

– Ладно, не задерживай движение на марше. Иди. Чего там...

Немой отвернулся и пошел дальше. Борис зашагал следом.

С полчаса шли они в молчании. Полном молчании. То есть таком, когда и мысли в голове нет. «А этот – немой и ничей – шагает, как по собственному поместью, ухмыльнулся Борис. – Хозяин положения. Лидер группы. Командир полка. Подзатыльник ему, что ли врезать, чтобы нос не задирал?» Мальчик на ходу оглянулся, скользнул по его физиономии усмешкой, как пощечиной, и снова «марш, марш, левой».

За пригорком открылся дивный пейзаж. Среди степи, прижавшись к реке, стояло обширное селение. Пожалуй, не стояло, а лежало. Так возлегали наши предки на пирах: сытно, вальяжно и сонно. На полном марше, не снижая скорости продвижения, вступили они в населенный пункт. Он еще

не догадался, что его взяли. Он еще наслаждался покоем, не подозревая, что это плен.

«А мальчишка-то встал в нерешительности, – мысленно потирал руки Борис. – Мой немой диктатор встал пнем и, головы не подняв кочерыжку, стоит, переминаясь с ноги на ногу.» Вслух же он сказал:

– Итак, населенный пункт. Что мы имеем? Грязного, немытого пацана с пузом объевшегося удава и серьезного солидного мужчину в цветущем возрасте. Перед нами альтернатива: или я опускаюсь до помойного уровня, или общими усилиями его уровень поднимаем до моего. Ваши соображения, молодой человек? Не слышу?

Немой стоял, опустив голову. И поверженно сопел. «Вот таким, значит, образом, молодой человек!» Взял мальчика за грязную руку и потащил в магазин.

Торговцы — народ особенный. По своей наивности думаешь, ты один знаешь, где твой кошелек и сколько в нем дензнаков. А также, в каком ботинке твоя кредитная карточка, и сколько на ней числится в наших и заокеанских условных единицах. Не тут-то было, господа нувориши. То, что знает один, знает другой, если это, конечно, торговец. По каким-то неуловимым признакам – по форме ушей, носа или по глубине вашего бегающего взгляда – этот народ безошибочно определяет уровень вашего достатка. А также, сколько от него отломится лично ему. И вот тому подтверждение: не успели путешественники войти в торговый зал, как рядом

выросла гибкая в талии фигура и замерла в почтительном полупоклоне. Борис подбородком указал на мальчика и командовал:

– Вот это переодеть в самое лучшее.

Спустя пять минут из-за ширмы примерочной вышел юный ковбой в джинсовом костюме самой крутой для этих мест фирмы «Моторс». На ногах – кроссовки, разумеется, «Адидас». На груди его широкой – футболка, заметьте, «Дизель». И если бы не чумазая физиономия над тканью цвета индиго, его можно было бы принять за столичного денди.

Пока продавец бесстыдно разорял Бориса на астрономическую, для этих мест, сумму, – мальчишка бережно укладывал в пакет рваные обноски. Вероятно, на память о былых подзаборных подвигах. Наконец он поднял на благодетеля присмирившие, но по-прежнему хитрющие глаза:

– Благодарю. Ваш дружеский жест оценен по достоинству.

– А по уху?

– Думаю, преждевременно. Предлагаю продолжить экскурсию по городу.

– Как прикажете-с.

Дальше их путь пролегал мимо парикмахерского салона с загадочным названием «У дяди Зямы». Только Борис задумчиво провел пальцами по заросшему подбородку, как дверь перед ними открылась, и цепкая рука швырнула его в кресло. На соседнем устроили мальчугана, тщательно укутывая в серую простынь в бурых пятнах. Их умывали, мыли головы,

стригли и укладывали; старшего еще побрили и ошпарили паровым компрессом. Время от времени в трясущихся старческих руках сверкало хищное лезвие бритвы «золинген», что придавало ощущениям клиентов особую пикантность. Но не только вытаращенные глаза постригаемых следили за фехтовальными взмахами безжалостной стали. В углу в позе сфинкса лежал толстый кот и с явно гастрономическим интересом наблюдал, как лезвие бритвы порхает вблизи хрящеватых ушей. В это время слух клиентов услаждался беседой на тему: «чем отличается великий парикмахер дядя Зяма от всех иных прочих». Из этой лекции следовал единственно правильный вывод: стричься у кого-нибудь другого – это форменное самоубийство.

Когда хлопающий взмах полотенца развеял пар от компресса, первое, что увидел Борис, – встающего из соседнего кресла юного господина, будто на часок отлучившегося из почтенного дома от занудных, но весьма знатных родителей. Впрочем, если эта версия подтвердится, он, пожалуй, не очень-то удивится. Породу и харизму, как известно, никакими обносками не скроешь. А иные утверждают, что и не пропьешь... Впрочем, эта тема для отдельного диспута.

Поздний вечер застал их на балконе номера-люкс центральной поселковой гостиницы. Вероятно, сработал нажитый годами рефлекс Бориса. Ужин прошел в дружественной теплой обстановке при полном молчании сторон. «С тех пор, как я встретил этого парнишку, – думал Борис, попивая чай с

пирожным, – постоянно пытаюсь доказать ему, что я не верблюду. Изю всех сил демонстрирую какому-то грязному щенку свои возможности, а он снисходительно их оценивает. Я ему готовил еду, кормил, стриг, одевал и поселил в люксе, осыпая щедрыми дарами. А этот заморыш всего-то не отказывался их принимать. Во всяком случае, пока».

– Ладно, безымянный соседюшка. Застилай свой диван. Спокойной ночи.

Ушел он в свою комнату и лег в постель. Вроде, впечатлений масса, и ноги гудели от непривычно долгой ходьбы, только сон к Борису прийти не спешил.

«Что за напасть такая – всю жизнь быть кому-то рабом! – вздыхал он. – Сначала в родительском доме, потом в школе, институте, в армии, на работе – везде я поступал не как хотел, а как требовали мои господа. Взаялся за бизнес – стал рабом денег, престижа и власти. Может быть, натура у меня такая, рабская? Вот и мальчугану этому служу. Так кто я, в конце концов, «тварь дрожащая или право имею»? А, товарищ Раскольников? Не поможете? И почему этот мальчуган как-то естественно встал во главе колонны и возглавил шествие, в котором я оказался в хвосте?»

В соседней комнате раздался звук, похожий на треск. Борис вскочил, удивляясь почти отеческой заботливости. Даже в дверь из вежливости постучал. Но, увы. В пустой комнате пузырилась штора от душистого ветерка, льющегося с улицы. Вышел на балкон – никого. В черноте южной ночи толь-

ко звезды мигали где-то очень высоко. Дальше трех шагов от здания гостиницы ничего не видно: освещения улиц здесь не предусмотрено. Вернулся в комнату, оглянулся. На стуле аккуратно висели купленные вещи. Значит, парень удрал в своих обносках.

«Ну не бежать же вдогонку, в конце концов. Поди, найди Маугли в ночных джунглях. Ладно, беги, малыш, беги. Сколько волчонка не корми...» Он вернулся в свою комнату, лег в постель. И сразу уснул. Во сне Борис бегал вприпрыжку по лесу вслед убегающему мальчишке, покрытому то ли волчьей шерстью, то ли казацкой буркой.

Утром, как ни в чем не бывало, мальчик встретил Бориса ироничной улыбкой. Он снова был одет в джинсовый костюм. И даже умыт и причесан. Пай-мальчик из престижного пансиона, да и только! Старший сурово молчал, будто ничего не случилось. Напевая под нос простенькую мелодию из Девятой симфонии герр Бетховена, занимался привычными утренними делами: душ, кофе, махровый халат, телевизор, курс доллара, а вместо собаки выгуливал мальчика. Или он Бориса?..

Шли они по уютной улочке, похожей на старосветский шлях какого-нибудь Полтавского Миргорода. Патриархальные домики, утопающие в сочной зелени; заборчики, сонные собаки и задумчивые куры. И вдруг – звон! Колокольный звон поднял голубей с крыш и, взметнувшись ввысь, закружил, зафонтанировал упругими воздушными струями. Все

живое вострепелось. Благодарно улыбнулось и рвануло навстречу звенящему истоку. Пошли и они.

Вот он, храм. Тоже зеленый, в конце старинной липовой аллеи. В золотистых куполах, устремленных в звонкое синее небо. Вошли в распахнутые ворота. Борис положил поклоны, заметив боковым зрением, что мальчик уверенно повторил его крестопоклонные движения. Написали записки. Он подглядел в листочки мальчика. Почерк ровный, с недетскими завихрениями вверх. «Так, значит, как минимум, первый класс парнишка закончил», – констатировал он. Взял свечи, половину отдал мальчику. Обошли иконы в тяжелых остекленных киотах с кружевной фольгой внутри и блеклыми пластмассовыми цветами. Почему-то эти сельские, вроде безвкусные, иконки вызвали у Бориса сладкие детские воспоминания про бабушку и леденцы на палочке.

Священник молодой, с нерастраченным семинарским старанием, служил звонко и весело. Ладан его благоухал детской ванилью и апельсином. Рядом с ними стоял папа с тремя сыновьями-погодками от пяти до восьми лет. И его, и Бориса – мальчишки стояли, вытянув шеи, пытливым вниманием соучаствуя в службе. После отпуска Борис подошел к батюшке и попросил окрестить мальчика. Тот согласно кивнул и предложил принести купель со двора. Кряхтя, Борис принес довольно тяжелое оцинкованное корыто и поставил в левом приделе. Священник серьезно разговаривал с крещаемым, тот внимательно кивал.

Бориса заставили читать Символ веры. Он почему-то сильно волновался и даже пару раз запнулся. Мальчик стоял в купели и зябко поеживался. Энергично и увлеченно троекратно плевал в своего врага, от которого отрекался навек. Наконец у него на груди заблестел крестик. Его помазали миром и причастили. Сейчас мальчик стал весь новенький и чистый, как ангел. Интересно, понял он это?

Батюшка предложил назвать его Антоном в честь преподобного Антония Печерского, «иже память его ныне празднуем». Они с мальчиком оба утвердительно кивнули. Ему даже выдали свидетельство о крещении. Антон прижал зеленую книжечку к груди и впервые улыбнулся открыто и радостно. Эта улыбка еще несколько дней вспыхивала на его лице.

– Поздравляю, – сказал крестный отец, выходя из храма, теперь у тебя есть Ангел-хранитель и святое имя. Это надо отметить. Благодетиво.

Они набрали еды в магазине, купили бумажную скатерть и пластмассовую посуду. Спустились к берегу реки. Выбрали уютное место с лежащими бревнами вокруг большого пня. Накрыли праздничный стол. Вот чего не отнять у мальчугана, так это аппетит. Он уплетал торжественный обед с таким увлечением, будто неделю к еде не прикасался. Борис же по своему обыкновению пытался развлекать общество беседой.

– Вот живешь ты, Антон, своей жизнью и не знаешь, что бывает другая. Заметь, я настаиваю, что эта другая лучше,

нет. Но она есть как данность. Кто знает, может быть, и ты, когда подрастешь, с ней познакомишься. А?

– Вряд ли, – дернул он плечом.

– Слушай, крестник, а ты знаешь, сейчас я не хочу говорить об одиночестве. Потому что я его не чувствую. Может быть, потому, что мы только из храма?

– Скорей всего, – кивком подтвердил он.

– Ты знаешь, пожалуй, да. Я сейчас вспоминаю, что одиночество приходит в те минуты, часы и дни, когда я в рассеянии. Ну, это когда отошел от Бога и вошел в безбожную мирскую суету. Понимаешь?

– Пытаюсь.

– Так вот, брат Антон, когда мы с Богом, тогда у нас все нормально! Помню, как-то ездил к старцу одному. В дороге приготовил целый список вопросов. Думал, приеду и как выплесну на него вагон своих проблем. И что ты думаешь? Приехал. Отстоял в очереди к нему. Там таких, как я, человек сорок было. И каждый со своим «вагоном». Вхожу в келью – и всё. Как увидел я его детские глаза, как услышал «сыночек», так все проблемы куда-то подевались. Перед его святостью, от его света – весь мой мрак рассеялся, как не бывало. Помню, вышел я от него с одним чувством: со мною Бог. Он меня ведет по жизни, Он меня любит, Он меня спасает. Так что же мне ныть-то? Что унывать? Меня спасает Совершенный Всемогущий Бог. И мое дело только по мере сил помогать Ему. ...Или хотя бы не мешать.

Антон смотрел на оратора как-то по-новому. Даже челюстями двигать перестал.

– Что! Что такое? – чуть не подпрыгнул Борис. – Ну, давай, выражай как-то, что у тебя на уме.

Мальчик вскочил, взял его за руку и потянул за собой. Тот послушно следовал за ним. Вот они уже на большой дороге, вот – на краю поселка. Вот и поселок за спиной.

– А как же наш номер? Как мои вещи? Махровый халат?..

Антон не слушал, он упрямо тащил Бориса за руку. Когда они с час протопали по асфальтовому шоссе в тени огромных тополей, мальчик свернул в степь. Восприимчивый шел за крестником, как на привязи. Как телок на веревке. Но – странно – Борис был спокоен, как никогда. Что-то обрывалось в нем. Что-то уходило из жизни. Навсегда. И ни о чем он не жалел.

Горячая степь под ногами жарила, как раскаленная сковорода. Солнце палило голову и лицо. Горький запах серебряной полыни обжигал носоглотку. Хотелось пить. Хотелось нырнуть в воду и сидеть в ней до вечера, выставив на поверхность одни глаза с ноздрями, как поступают мудрые крокодилы. Но степь простиралась от горизонта до горизонта. А они на ней, – как два верблюда в пустыни.

Наконец на горизонте показался островок сочной зелени. Они подошли ближе. Это река. Вода блестела, как сказочный мираж. Там прохлада. Там можно напиться. Там можно выжить. Свою липкую одежду Борис начал сбрасывать еще

метров за сорок до воды. Когда под босыми ступнями зачавкала серая глина, когда мутная зеленая вода забурлила у его ног, а болотистый запах ударил в воспаленные ноздри, – он засмеялся, как мальчишка. Плескался и нырял, бил руками по воде, рассыпая вокруг каскады радужных брызг, наглотался терпкой речной воды...

Но где же мальчик? Борис нащупал илистое дно, встал на ноги и оглянулся. Антон стоял на берегу и задумчиво грыз травинку. Одежда его старшего спутника аккуратной стопкой лежала у ног мальчика, на островке сухой желтоватой травы.

Борис вышел на берег и стал одеваться. Автоматически похлопал себя по карманам. Кошелек отсутствовал. Поднял глаза на воришку. Тот стоял монументом, не собираясь ни бежать, ни оправдываться.

– Ты сам напросился, – ответил его спокойный взгляд.

– Ладно, как хочешь, – пожал плечами Борис.

Они снова шагали по степи. Только после купания Борису стало намного легче. Да и солнце понемногу скатывалось к горизонту, и ветерок стал задувать. Теплый, но приятный. Хотя его физиономия горела, от солнечного ожога, как от стыда. А этот денди в джинсовом костюме, как ни в чем не бывало, легко ступал, как на утренней прогулке в парке. Мальчуган угловато размахивал руками и даже иногда подпрыгивал на кочках. И хоть бы что. Ни жара, ни жажда, ни солнце для него будто не существовали.

Ночевать они напросились в старенький домик-мазанку на краю хутора. На скамейке у этой развалюшки устало сидела загоревшая до каштанового цвета сухонькая старушонка. Она сразу их впустила. Внутри хата имела вид вполне обжитой. Всюду висели какие-то кисейные занавески, вышитые рушники, под ногами – толстые тканые половики. Всё – ручной работы, уютное и доброе.

Путников кормили густым борщом. На толстый кусок серого ноздристого хлеба они намазывали бордовый хрен с бураком. После жары не очень-то хотелось горячего. Но стоило только Борису съесть первую ложку, потом вторую, как он облился горячим потом, – и сразу полегчало. Заботливая баба Ганна смущенно набросила на их плечи рушники с петухами. Они обтирались ими, как после бани. И снова она сидела в уголке, подперев ручкой щеку, кротко потупив добрые грустные глаза. А когда они поблагодарили ее, она ответила «звыняйтэ». Потом налила в кружки козьего молока, густого и горьковатого от полыни.

Спать их положили в сарае на матрасах, набитых соломой. Здесь пахло навозом и прелой травой, степью и рекой, волей и сбывшейся сказкой. За перегородкой сонно квохтали куры и вздыхала коза. Где-то рядом ритмично скрипел сверчок. Под небом, под этим земным небом, право же, «счастья нет, но есть покой и воля».

Внезапно посреди заслуженной тишины Борис ощутил укол совести. «Как же так, – проворчал он под нос, – у ме-

ня теперь новенький, как блестящий полтинник, крестник, а я совсем не занимаюсь его катехизацией». Присели они на шуршащих матрасах и начали с обучения неопита краткому правилу преподобного Серафима Саровского. А потом по памяти восприемник стал рассказывать крестнику притчи из Евангелия. А начал он, как водится, про блудного сына. Антон внимательно слушал и задумчиво кивал.

– Еще? – спросил его Борис.

– Да, если можно, – плавно опустила голову крестника.

– Ну, слушай... – продолжил он, испытывая непередаваемое чувство взаимного интереса.

Ранним утром их разбудил вопль петуха. Борис выскочил из сарая, чтобы посмотреть на это. Огромный рыжий зверюга с хищными шпорами на могучих широко расставленных лапах стоял на плетне и напряженно ревел, как раненный лев. Пегие курочки, отложив привычное клевание, любовались солистом, готовые по окончании арии устроить бурные овации. «Браво, маэстро!» – похлопал Борис. Но тот, надменно задрав клюв, даже не удостоил публику взглядом.

Умывшись под грохочущим жестяным умывальником, они встали на молитву. Бабушка удивленно зажгла лампаду и тихо присоединилась.

После обильного завтрака баба Ганна вручила им косы и тележку на колесах. И махнула ручкой в сторону поймы реки. Накормив козу свежей травкой, после обеда они обрезали сухие ветви огромной груши и высоченной вишни. По-

том ездили на ферму за навозом, потом его мешали с прелой травой и укладывали под деревья и кусты. А вечером ловили рыбу ветхим, но загребушим бреднем.

Наверное, если бы не соседство молчаливого крестника, Борис почаще бы устраивал перекуры. Только мальчишка работал, как двужильный, и старшему приходилось подтягиваться, несмотря на ломоту в спине и тяжесть в руках. За ужином баба Ганна рассказывала, как на старости лет она при четверых детях осталась одна-одинешенька. И говорила об этом тихо и спокойно. Обращалась при этом больше к молчаливому Антону, который сочувственно шмыгал носом и кивал головой.

Зато перед сном они вместе вычитывали правило. А еще по просьбе крестника Борис читал главу из Евангелия, старинного, толстого и пахнувшего ладаном.

А на следующий день к бабе Ганне одна за другой стали подходить такие же одинокие вдовушки, растерявшие детей по большим городам. Отказать им ни баба Ганна, ни Борис с Антоном не смогли.

...В то лето Борис кое-чему научился. Например, наедаться утром про запас, как удав. Ходить стал легко и без усталости. Привык переносить жажду. Научился спать под открытым небом. Стал неплохим косарем и рубщиком дров, рыбаком и пастухом. Даже месить глину и штукатурить мазанки, даже белить выучился. Его ладони покрылись мозолями, лицо загорело дочерна, тело налилось силой и упругостью. Молитва

и труд укрепили веру. Но самое главное – Борис научился молчать. И молча перебирать самодельные четки, глядя на пламенеющий восток. Там восход будущего, там старенький храм, куда они ходили причащаться.

Так что стали они оба немые: Антон и Борис. Им было о чем помолчать.

Новые старые знакомые

Родион закрыл дверь за последним посетителем и вызвал секретаря. Выпускник юридического факультета Гарварда вошел в кабинет и вытянулся в струнку с блокнотом в руках.

– В следующий раз, Виктор Васильевич, я здесь появлюсь через неделю. Остаетесь за меня. В случае чего, звоните на сотовый. Но, предупреждаю: только в крайнем случае. У меня накопились срочные дела.

«Ох, и нагрузил ты меня, Борис Витальевич! – вздыхал Родион, выходя из особняка. – Сам-то, поди, вольным ветром степей дышишь, а мне тут денежные проблемы твои разгребать. Ну, тратить эту презренную материю – ладно. Это даже как-то приятно. Но контролировать денежные потоки, имея дело с людьми жадными и готовыми подметки из-под тебя выдернуть... Если бы не покров Божий, меня эти волки давно бы съели. Ничего, ничего, ради нашего детища, ради Братства Иоанна Богослова можно и потерпеть маленько. Да и ты, Борис Витальевич, как пить дать, вернешься другим».

Братство размещалось недалеко от особняка Бориса, на границе с садовым товариществом в просторном двухэтажном доме на берегу речки. От «той самой остановки» к дому вела красивая дорога с фонарями, цветами, голубыми елочками – это, чтобы людей привлекать. Дорога на берегу реки заканчивалась площадкой со скамейками и охраняемой сто-

янской для машин. Работали в доме те самые «опоздавшие на автобус», которых сумел подружить и объединить Родион. Братство занималось иконописью, торговало книгами и утварью, а также восстанавливало храм. Ради этого Родион и согласился заменить Бориса, пока тот «ищет себя».

В Братстве каждый работал на своем месте. Иннокентий консультировал покупателей, предлагая на выбор книги. Надежда обзванивала по телефону иногородних закупщиков. Мама Вера с Танечкой писали заказную храмовую икону. Практичный Василий руководил реставрацией храма. Тот самый послушник Гена, а сейчас иеромонах Геннадий, благословив рабочий день, обходил с требами прихожан. Родион поговорил с людьми, записал все вопросы и отбыл в Москву.

Сегодня отец Никодим служил на новом месте. Родион потратил немало времени, чтобы отыскать его. Давнишняя обида на священника не давала покоя. Необходимо во что бы то ни стало выпросить прощение. «А что, если батюшка снова будет с похмелья? – подумал он. – А не сорвусь ли я и не впаду ли в осуждение? Только не это, только не это».

Храм-часовня, в который вошел Родион, несмотря на буднюю вечернюю службу, был заполнен до предела. На строительстве нового храма только выкладывали стены из кирпича, и работы здесь было года на два. Окружающий «спальный район» населялся выходцами из центра и жителями местных деревень. Не смотря на рабочее время, над платками жен-

щин и старушек возвышались стриженные и длинноволосые головы мужчин. Не сразу в толпе Родион обнаружил отца Никодима. Да и узнал его с трудом: согнулся, поседел, сильно исхудал.

По окончании богослужения у анаоя оставались люди. Каждый принес батюшке свою боль, какие-то нерешенные проблемы. Отец Никодим терпеливо, не перебивая, выслушивал исповедников, потом полусшепотом кратко что-то говорил и возлагал на покаянную голову потертую епитрахиль. На разрешительной молитве он разгибал сутулую спину и устремлял взгляд вверх. Слова молитвы произносились, будто со стоном, с глубоким вздыханием – и это сразу превращало внешне обычное действие в непостижимое рассудком великое таинство. Оттуда, из высочайших небесных высот, сходил порыв незримого огня, сжигающего сорняки человеческой души. Кающийся не видел этого, но выходил из-под епитрахили другим: успокоенным, тихим, с отсветом блаженства на лице.

Родион пропустил вперед двух опоздавших и в опустевшем храме встал у анаоя один на один со священником.

– Ну наконец... Сердцем-то чую, что ты, Родечка, здесь, а глазами слепыми только сейчас увидел. Исповедоваться будешь?

– Благословите...

Спустя полчаса в гостиной батюшкиной квартиры Родион разглядывал книги и фотографии на стене. Такое обилие

книг поражало и удивляло. Чего тут только не было. Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, большая советская, собрания сочинений русских, советских и зарубежных классиков, богословие и патристика, философия и научный коммунизм, политэкономия и... множество книг о животных и растениях.

Среди фотографий привлекли внимание две: старинная с бородатым священником и современная, цветная, на которой не без труда узнавался отец Никодим, улыбочивый и молодой. Именно у последней фотографии стоял Родион, когда в комнату вошел с чайником в руке хозяин, одетый подомашнему в потертый, кое-где залатанный суконный подрясник.

– Садись, Родечка, за стол. Я сейчас тебе много чего расскажу. Ты не торопишься?

– Нет, батюшка, я приехал поговорить.

– Вот и хорошо. А то, знаешь, пока служу, да с людьми – все хорошо. А дома, когда наедине вот с этим... – он постариковски всхлипнул, но тряхнул головой и глубоко вздохнул, переводя дыхание. – Да. Когда прихожу сюда, то каждый день переживаю это...

– Что?

– Да ведь погибли они, Роденька. У меня на глазах... Еще тепло на моей руке не растаяло от касания матушкиной ручки, – а уж ее-то и нет... Машина-то взорвалась и сгорела, как порох. И матушка и все трое деток!..

– Простите, меня, батюшка, я не знал, – опустил Родион голову.

– А кто знал-то, кто знал, родимый Родечка? – простонал отец Никодим. – Что мы знаем... Ну, не вынес я этого горя-горького и, как последний забулдыжка, запил. Видел я, как люди Божии от меня носики воротят. Видел, как и ты отошел от меня. А что я мог?.. Когда такая черная стена на меня обрушилась. Матушка-то у меня, это ж ангел земной, а не человек была. А детки? Они от нее такую чистоту усвоили, что я глядел на них своими гляделками окаянными и стыдно мне было рядом с такими ангелочками. Я жил с ними и не верил своему счастью. Не чаял, что в жизни так бывает. Все думал, за что мне это? Ну, а как это случилось... Веры-то у меня, на поверку, с мизинец оказалось. Не то, что у деда моего, священника.

Он показал на старинную фотографию. Всхлипнул, вздохнул, вытер слезы платком и показал на ряды книг.

– Видишь? Вот чем я увлекался. Думал в этой чащобе Солнце отыскать. А что Солнце в сердце, а не в уме, – только сейчас, на старости лет, постигать начинаю. Вот зачем Господь отнял у меня самое ценное. Их-то, моих родимых, во Царствие Свое, а меня, окаянного, – как Иова, на гноище – до конца дней земных. Слава, Тебе, Господи! Буде имя Твое благословенно отныне и вовеки.

Какое-то время они молча пили чай. Каждый думал о своем. Наконец, отец Никодим распрямился и улыбнулся:

– Ты помнишь, Родя, Маргариту с красными волосами? Ну, ты еще серчал на нее...

– Да, конечно.

– Так вот стала она к нам ходить. Ты как-то попросил за нее помолиться. Ну, я имя ее в синодик свой вписал...

– И что?.. – Родион звякнул чашкой о блюде и замер.

– Слушай, слушай, – снова улыбнулся батюшка. – Я, как увидел ее в первый-то раз, сразу вспомнил тебя и красные волосы твоей протезе. Сразу к бабкам нашим побежал. «Если, говорю, вы хоть слово этой рабе Божией скажите, я вас накажу. Ни полслова! Эту овечку к нам Сам Господь привел». Бабки поначалу-то на меня осерчали, как положено. А потом вместе со мной стали удивляться. Представляешь, Родя?..

– Батюшка, я весь внимание!

– В первый-то раз она пришла в мини-юбке, кожаной куртке-«косухе» и в сапогах выше колен. Цепи, висюльки металлические, серьги в ушах с полкило. Ну и опознавательный знак: огненно-красные волосенки дыбом... Да! и черная помада на губах. Ж-ж-жу-ю-ють! Эллочка Людоедочка на пике состязания с американской миллионершей. – Улыбка растаяла, и рассказчик стал серьезным. – Но как девчонка в храме стояла! Как вкопанная, только глазенками вытаращенными на иконостас смотрела. Что-то в ней было такое... искреннее. Какая-то нужда, боль, мощное притяжение. Я только об одном думал: чтобы не спугнуть, чтобы не

зря... И стал за Риту сугубо молиться. Тут еще, сам понимаешь, перед тобой, Родя, вину чувствовал. Это тоже согревало. Потом с каждым приходом в храм стала девочка меняться. Сначала волосы платком прикрыла. Потом, смотрю, юбку длинную надела. Затем исповедалась. Потом допустил я ее к Причастию. А сейчас!.. Не поверишь, Родь, такая благочестивая дева, что наши старушки млеют перед ней. Она с первого дня, как появилась, в храме стояла, как свеча. Ни на кого не смотрела. Вся внутри была. Сердцем жила, понимаешь?

– Это мне в назидание, батюшка, – глубоко вздохнул Родион.

– И мне тоже, – кивнул батюшка. – И всем нам. Чтобы носы не задирали.

– А со мной что произошло...

Родион перекрестился и подробно рассказал о своем видении во время клинической смерти. Отец Никодим глотнул воды и сказал:

– Видишь, как оно!.. Ай-ай-ай. Тебя на перевоспитание в рай отправили, а меня на гноище, стало быть. Вот оно как... А мы говорим, Господь нас забыл. Как же забыл, когда тут такое! Это ж благодать, Родя, как у преподобных, нам посылается. Ты вот что, сынок, об этом особенно не разглашай. Потом в себе, погрей душеньку.

– Да вы, батюшка, первый, кому я рассказал.

– Хорошо.

– Только вот...

– Что?

– ...Радости скрыть не могу. Хочется всех обнимать и целовать.

– Слава Тебе!.. Но ты и это... тоже того... потише... полегче. – Священник показал на сердце. – Все здесь: и сокровища наши и позор. Все в этом хранилище. С этим и на Суд пойдем. А людей, которых Господь нам посылает, мы аскетическим бесстрашием не отпугнем. Не бойся. Люди Божии, они ведь тоже сердцем к сердцу тянутся. Вон как даже я, недостойный, тебя в храме сегодня почувствовал...

Когда открываются двери

С утра дул порывистый холодный ветер. Небо обнесло серыми тучами. На серых волнах озера пузырились пенистые барашки. Когда же они вышли из храма, на них каскадом золотистого света обрушилось яркое полуденное солнце.

– Посмотри, у меня глаза не очень красные? – спросила Марина, когда они присели за столик ближайшего кафе, чтобы отдохнуть после праздничной трехчасовой литургии.

– Глазки у тебя в лучшем виде, – бережно успокоил ее Петр. – И не надо стесняться слез на исповеди. Они дороже бриллиантов.

– Вот не думала, что способна реветь, как девчонка. Я даже остановиться не могла.

– Ты этими слезами всю грязь с души смыла. Радуйся.

– Да у меня и так слов нет. Я даже и мечтать не смела, что меня вот так сразу к Причастию допустят.

– Просто батюшка увидел твое искреннее покаяние. Я тоже за тебя переживал. Ты молодец.

– Ты знаешь, кто меня больше всего поразил?

– Кто?

– Мальчик, что передо мной с мамой стоял. Ему годика три всего. Он такой маленький, аккуратненький, головка в белых кудряшках... Стал на коленки в начале службы и стоит себе. Мама его подняла. Он опять на коленки – шлеп. Слу-

житель к нему в серебряной одежде подходил.

– Алтарник.

– Наверное. Я слышала, он сказал, что в воскресенье не положено стоять на коленях. А мальчуган постоял маленько и снова – шлеп на коленки. И, как зачарованный, на алтарь во все глазенки смотрит.

– Как тут на колени не встать? Там, в алтаре, – престол Божий. А он, что на небе, что в земном храме, – Престол. Тут впору всю службу простоять в земном поклоне.

– Вот этот мальчик меня обрадовал. Дети ведь чистым сердечком к любви и свету тянутся. Значит, там на службе, все настоящее. Значит, моё! Понимаешь?

– Понимаю, Мариночка. И от души поздравляю. Все это очень хорошие знаки. Господь как-то по-особенному благоволит к тебе.

– А как ты думаешь, Петр, сейчас у меня может появиться шанс?

– Ты о чем?

– Ну, пожить еще немного? – прошептала она.

– Конечно. Да ты не бойся. Самое главное, что теперь ты встала на путь спасения. А что касается сроков жизни земной, то положишься на волю Божию. Поверь, Господу лучше знать, когда нас отсюда взять в Свой дом. Со временем все узнаешь.

– Ты понимаешь, я сегодня поняла, что жить только сейчас начала. Я не могла себе представить, что это так здоро-

во – быть прощенной. Передо мной будто открылась дверь в
счастливое будущее.

На поверхность белого пластмассового столика легла тень
от подошедших вплотную людей. Яркое солнце не позволяло
увидеть лиц.

– Извините, у нас занято, – проворчал Петр, надеясь без
помех поговорить с Мариной.

– Петр Андреевич! – воскликнул подошедший. – Вот так
встреча.

Крепкий мужчина с мальчиком – оба в сильно потрепан-
ной и выгоревшей одежде – улыбались белозубо и открыто.
Петр встал, обнял друга.

– Борис! Что же ты не сообщил, что сюда приедешь? А
загорел-то? Как эфиоп какой!

– Да я в бегах, Петро. Ты послушай!..

– Прости, Борь, познакомься. Это – Марина.

– Очень приятно. А этот молодой человек – мой крестник
Антон. Правда, он не очень-то разговорчив. Антон с Мари-
ной пусть посидят, а мы, Петь, давай-ка сходим за шашлы-
ками. Заодно я тебе про свои приключения расскажу.

Когда они отошли и встали в очередь к мангалу, Борис
вполголоса шепнул:

– Это что за девушка с тобой? Уж не надумал ли ты на
старости лет жену подновить?

– Борь, ты так не шути. Эта девушка смертельно больна.
Во всяком случае, была больна до сегодняшней исповеди.

– Она исповедовалась впервые?

– Ну, да. И причастилась тоже впервые.

– Ты знаешь, Петь, я много раз видел обреченных. Скажу точно – Марина не из их числа. Она сама жизнь. И она прекрасна.

– Да?

– Да. И я на ней женюсь, – выдохнул Борис.

– Ну, ну... – иронично улыбнулся Петр. – Так что тебя сюда привело? И от кого ты в бега подался?

Борис кратко рассказал о своих летних приключениях. А также о том, что уговорил Антона навестить это озеро, с которым у него связано много счастливых месяцев. Усатый шашлычник энергично размахивал картонкой, раздувая душистый дым. Из-за яркого солнца и густого дыма они не видели, что происходит за белым столиком, где мужчины оставили спутников. Наконец, заполучив блюда с шашлыками и с бордовой капустой на гарнир, они, осторожно ступая, двинулись к столику. Поставили блюда, вернулись к стойке за тарелками и напитками. Принесли и сели.

– Ты посмотри, Петь, а они, кажется, уже успели подружиться, – улыбнулся Борис. – Вон как щебечут. Что?! – закричал Борис и встал, чуть не свалив столик. – Антон, ты что, заговорил?!!

– А что нам, уж и поговорить нельзя? – возмутилась Марина, опешив.

– Да он немой! – выпучив глаза, гремел Борис. Потом вы-

дохнул: – Был...

– Папа, не волнуйся, сядь, пожалуйста, – сказал Антон.

– Па-па... – промямлил Борис и сел на свой стул. – Па...

Ты что, юный обманщик, меня разыгрывал, что ли?

– Да нет. Меня как дома родители избили, так я и слова сказать не мог. Потом сбежал. А теперь вот заговорил.

– А кто твои родители?

– Не помню... – потупился мальчик.

– А где ты жил?

– Тоже не помню.

– Ну ладно, Антош, прости. А ты, Петя, говоришь!.. Вот что Мариночка делает. Немые заговорили. Слепые прозрели. Последнее – про меня.

Они сидели, и каждый по-своему обдумывал случившееся. Борис, открыв рот, наблюдал за Антоном, мальчик во все глаза смотрел на Марину, девушка – на Петра, а тот куда-то очень, очень далеко.

Глава без героя

Весь день до глубокой ночи они провели вместе. После полуночи мужчины, преодолев отчаянное сопротивление, отправили уставших Марину и Антона спать, а сами вернулись на берег.

Набережная, несмотря на поздний час, была полна народу. Обычно каждый вечер до глубокой ночи здесь сверкали огни и гремела музыка. Сегодня было непривычно тихо: музыка и разговоры звучали приглушенно. Мужчины спустились к воде, сняли обувь и по колено в воде зашагали в сторону тишины цвета свежей нефти. Нашли дикое безлюдное место, где светили только звезды и луна. Решили искупаться в черной теплой воде, испытывая страх, смешанный с восторгом.

Особенно часто забилося сердце, когда, вынырнув из воды, они потеряли из виду берег. Набежали тучи, заслонили звезды и луну. Сверху и снизу, слева и справа – всюду висела и плескалась недобрая сероватая тьма. «Господи, помилуй!» – выдохнули они, не сговариваясь. И в тот же миг из разрыва облаков вышла яркая луна и пролила мягкий серебристый свет на берег и перламутровую пену волны. Оказалось, заплыли они далековато... Мощными гребками, не теряя берега из виду, поплыли по лунной дорожке к полоске света на берегу.

Наконец ноги коснулись каменистого дна. Снова, не стовариваясь, они одновременно произнесли: «Слава Тебе, Господи!» По скользким камням вскарабкались на берег. Оказывается, течение их отнесло еще дальше от поселка. Минут пять они почти бежали по скрипучей гальке и крупному песку вдоль воды. Разыскали свою одежду и прикрыли наготу. Нехотя вернулись на асфальт набережной.

Солнце воскресенья сильно пронзило воздух и нагрело камни. И после заката влажное тепло густыми слоями стелилось и плавало над поселком. Разогретые зноем листья и цветы наполнили ночь горьковато-сладкими ароматами.

Настало время, когда «поспать» значило «обокрасть себя». Все, кто мог, вышли из домов и с наслаждением пили пряное густое вино летней ночи. Прошлое забыто, будущее неизвестно, что будет завтра: сырая мгла или шторм? Но сейчас, в этот тихий час, по-матерински нежная ночь ласкала усталых детей. А им не хотелось, чтобы теплые руки остановились. Такие ночи – бессонные, праздничные, полные свободного покоя – редки в долгой череде печальных дней и ночей.

Мужчины сидели за столом, попивая вино. Мимо непривычно тихо, почти бесшумно, как тени, шли, гуляли, скользили прохожие. Никто никого не тревожил. Даже музыка звучала приглушенно, полушепотом, как сказка на ночь.

– Что это? Куда подевался шум? – спросил Петр.

– Ты не знаешь, что случилось прошлой ночью? – удивил-

ся Борис.

– Нет. А что?

– Подрались два местных подростка. Собралась толпа «болельщиков», тоже ввязалась в драку. В горячке одного паренька убили, кирпичом в висок. Утром весь поселок наводнили иномарки с бритоголовыми парнями. Со всего края слетелись авторитеты. Несколько часов в парке у них шла разборка. Все улицы были оцеплены ребятами в безразмерных пиджаках и плащах с «калашниками» под мышкой. В общем, замяли дело, чтобы отдыхающих не разогнать. За пару часов навели идеальный порядок. Цены снижены вдвое. Обслугу одели в белоснежную униформу и приказали улыбаться. Вежливыми стали, как англичане. Ну и музыку приглушили, чтобы страсти не возбуждать. Красота.

– Все одно к одному. Это не случайно.

Они снова замолчали. С одной стороны серебрилась лунной дорожкой большая вода. С другой – текла почти безмолвная река людей. Теплый ветерок приносил густые струи цветочных ароматов.

Вдруг Петр выпрямился и слегка кивнул в сторону одинокого прохожего. Тот был одет в светлый костюм, внешняя простота и изящество которого указывали на работу гениального портного. Мужчина неопределенного возраста медленно проходил мимо. В его походке, осанке, посадке головы, скупых движениях рук – что-то сразу внушало уважение. На миг лицо незнакомца повернулось к сидящим.

Петр про себя отметил, что такие черты формируются не одним-двумя поколениями интеллигенции, но возвращаются в лоне древнего дворянского рода. Там случаются, конечно, свои маргиналы и вырожденцы, но благородство сохраняется в потомках ветви, которая свято хранила родовую честь и высокое предназначенье. Властный взгляд умных и добрых глаз прохожего скользнул по лицам мужчин. Едва заметная одобряющая улыбка слегка приподняла уголки породистых губ и век. И всё: он удалился. Он находился в толпе, он шел среди людей, не принадлежа никому, и вместе с тем казалось, все принадлежали ему.

– Ты видел его? – громким шепотом спросил Петр. – Ты узнал?

– Я не совсем уверен... – промычал Борис. – Неужели это он?

– О, брат, не знаю, не знаю. Но как все напряглось внутри. Я чуть было не встал, чтобы вытянуться в струнку. Но этот взгляд... меня остановил. Какая сила!

– Знаешь, когда я думаю о нем, – смущенно улыбнулся Борис, – у меня за плечами словно крылья вырастают. Иногда кажется, что он уже где-то рядом. Нет, не кажется, – он точно здесь, среди нас. Когда я хожу в толпе, часто ловлю себя на том, что всматриваюсь в лица прохожих и пытаюсь найти черты его лица. Ты понимаешь, я пока не вполне ясно представляю себе, какой он. Но, если увижу, то, наверное, узнаю. Хотя бы потому, что лица его славных предков мне

знакомы, как родные.

– Ты тоже считаешь, что он среди нас?

– Трудно такие вещи объяснить словами, понять умом. Просто на это указывает множество событий. Здесь и настроение в обществе, и уровень духовности. И резкая поляризация народа: ты, или в церковной ограде, или зомби на игле денежной, телевизионной, наркотической, компьютерной – неважно. Сердце подсказывает: надвигается огромная волна. Ковчег стоит. Значит, капитан на подходе. Сам воздух наэлектризован, как перед грозой. Люди Божии, люди честные – изнывают от безумия серого большинства. Того и гляди, молния сверкнет и... всё начнется.

– Но ведь это, наверное, страшно.

– «Ей гряди! И гряди скоро!» А страшен только грех, свой собственный. Уж кого-кого, а православных Господь сохранит для Себя. Впереди еще столько дел!

– А что мы знаем о нем?

– Самое главное то, что он будет. И Россия при нем станет великой державой. Он будет красив и могуч. Воли железной, веры кристальной... Впрочем, думаю, что его личность до поры будет сокрыта. И случится, как в детективе: все будут его ждать оттуда или отсюда, а он в самый решительный момент появится с той стороны, откуда его никто не ждал.

– А что, если это только наши мечты? – Петр словно проверял свои тайные предположения.

– Нет. Существует много пророчеств из разных независи-

мых источников. Об этом есть и в Библии, и у наших современных преподающих. Да ты и сам, поди, читал. Что там говорить! Душа того требует... у каждого, кто совесть не потерял. Даже Сталин говорил, что русский человек по своей душевной организации – царист. Он никогда не купится на демократию. Никогда ей не подчинится и служить не станет. А если у народа есть такая потребность в духовно сильной личности, значит, она родилась не из пустых мечтаний. Это опробовано веками. Вымолим, заслужим – будет!

– Ты знаешь, я подумал... Ведь он человек из мышц и плоти. Но к нему незримо тянется множество нитей. Они берут начало в древней старине. По запутанным лабиринтам истории, сквозь века, народы, царства – тянутся к его сердцу и, сходятся в нем, как в конечной точке всеобщей надежды. От библейских пророков – к современности и дальше в будущее. О нем рассказывают былины и сказки, поют баллады и заклинаят эпосы. Сколько отчаянных успокоила и обнадеедила одна мысль о нем. Сколько пошлостей, издевок, шуточек комьями грязи запустили в него враги. Одно лишь именование его свертывало их кровь в тромбы ненависти и мистического страха. Скольким поэтам, романтикам и художникам одна лишь возможность его появления в их времени, среди них – дала вдохновенье.

– Будет. И будет скоро.

Ночь, полная чудес, продолжалась. Она покоила сонным шорохом волны. Она ласкала нежными касаньями аромат-

ного тепла и музыкальных переливов. На ее черном бархатном фоне зажигались и сверкали драгоценные камни сокровенных надежд. И этот свет... Он сходил с неба и отражался от озера. Он лился из фонарей и... изнутри каждого, кто не спал. Свет ночи наполнял воздух и мысли.

– Ты знаешь, Петр, этим летом со мной случились два события, которые мне запомнятся на всю жизнь. Первое – это подсолнухи. Да, не смейся... Там, на краю села, было небольшое поле. Представляешь, оно в течение дня меняло цвет: то зеленое, то желтое, то почти черное. Сначала я его разглядывал издали. Потом как-то подошел поближе. Оказывается, подсолнух постоянно поворачивает голову за солнцем. Но тут я заметил, что не все цветы тянутся к солнцу. Некоторые перестают поворачиваться. Спросил старушку, почему? Она объяснила, что в таких растениях завелся червь. Они, обычно, долго не живут, засыхают. Я тогда подумал, что со мной случилось то же. Я перестал тянуться к Свету истины. Охладел я... В церковь перестал ходить.

– Как говорили преподобные, верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в церковь. Сначала старается прийти к службе попозже, потом и совсем перестает посещать храм Божий.

– Вот, вот, – согласно кивнул Борис. – Только в отличие от подсолнуха, я сам червей напустил в душу. Увлёкся, знаешь ли, деньгами, властью, развлечениями. Вот эта червото-

чина и остановила мое движение к свету. И уж почти погиб я вовсе, да приехал ко мне Родион и сумел меня перевернуть. Понимаешь, он нищий, а веселый! А мне уж и не в радость мои богатства. Вот я и сбежал оттуда.

– Понятно. А второе?

– Второе... Не усидел я в селе. Там над головой иногда пролетали военные самолеты и вертолеты. Вот меня и потянуло в зону боевых действий. Думал, Афган прошел, а в Чечне не был. Сначала, конечно, взял благословение у батюшки. Тот поначалу удивился, но, видя мою решимость, встал на молитву, меня рядом поставил. Мы с ним часа два молились. А в конце он сказал, что живым я останусь, но вокруг меня будет много... двухсотых. Что-то там он увидел во время молитвы. Взял я с собой складни с молитвой «Живый в помощи», крестики, масло освященное, молитвословы и поехали мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.